

В. Г. С Е Н А Т О В.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

По благословению
высокопреосвященнейшего
Алимпия
митрополита московского и всея Руси

ОТ АВТОРА

Ясен ли смысл того момента, когда русская церковь раскололась? Собраны ли все фактические материалы, могущие объяснить саму сущность этого чрезвычайно явления? Выяснено ли духовное различие между старообрядчеством и господствующим исповеданием, различие именно духовное, а не обрядовое, различие мысли и жизни, а не внешних случайных одеяний? Освещена ли с достаточною ясностью и полнотою старообрядческая мысль и отведено ли ей надлежащее место во вселенском вечно незыблемом православии? Разъяснению этих вопросов посвящена предлагаемая "Философия истории старообрядчества".

ИССЛЕДОВАНИЯ О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ

Честь первых исследований возникновения старообрядчества и его истории принадлежит лицам господствующего исповедания. Всех этих исследователей-историков смело можно разделить на две половины, точнее на две школы: миссионерскую и народническую.

Миссионерская школа имеет своего родоначальника в лице Димитрия Ростовского и заканчивается современными преподавателями семинарий и профессорами академий, обучающими юношество "истории и обличению старообрядчества".

Исследования всех этих лиц дышат тем же самым духом, которым руководился Димитрий Ростовский при писании своего знаменитого "Розыска" Для всех них история старообрядчества есть история невежд и само старообрядчество есть невежественное явление, могущее иметь место только среди грубого, дикого и непрощенного народа. Многие из этих лиц до сих пор устно и печатно высказывают убеждение, что стоит лишь всех старообрядцев запрягать на три-четыре года в церковно-приходскую школу, обучить приемам чистописания, четырем действиям арифметики, начальным правилам грамматики и сокращенному катехизису митрополита Филарета, — и всему старообрядчеству наступит конец.

Читая беседы некоторых миссионеров, можно подумать, что старообрядцы, это такие люди, которые верят, что в паровозе колесами вертит окаяшка.

Нисколько не обвиняем указанных исследователей в злонамеренном искажении фактов, в желании отвертываться от истины. Признаем их искренними и убежденными. Но эта искренность не снимает с них наивности и невежественности в глубоких и великих вопросах.

Для них старообрядчество есть сплошное недоразумение, явление, не имеющее ни цели, ни смысла. Это утверждение по меньшей мере наивно, ибо история не знает бессмысленных явлений. Опровергается это и неоспоримыми фактами, как увидим ниже.

Для миссионерской школы старообрядчество ясно и определено. Окрестив вековое историческое явление именем невежества и сумасбродства, эта школа воображает, что она совсем и решительно разделалась со старообрядчеством и никакой ни идеи, ни мысли в нем не усматривает.

Иным представляется старообрядчество для школы народнической. Ученые люди начинают заниматься старообрядчеством только с половины прошлого столетия. Щапову принадлежит честь этого почина, или открытия старообрядчества для исторической науки. С семидесятых годов число исследователей старообрядчества все увеличивается. Однако никак нельзя сказать, что труды этих исследователей увенчались каким-либо заметным успехом, что они определили самую сущность, внутренний строй и характер старообрядчества.

Все труды беспристрастных исследователей сводились в сущности, только к одной цели, — к развенчиванию, осуждению отношений к старообрядчеству господствующей церкви. Церковные и гражданские власти, а также и высокомерное общественное мнение пред старообрядчеством не совсем правы: старообрядчество неповинно в тех преступлениях и проступках, какие желают взвалить на него властители церкви и государства, неповинно оно и в той темноте, умственном убожестве, некультурности, в каких обвиняет его так называемое высокое, интеллигентное общество. Вот только в установлении этих положений состояла вся заслуга ученых людей, подходивших к старообрядчеству просто, непосредственно, без миссионерских целей.

Больших, более существенных результатов от этих исследователей и нельзя было ожидать. Все они принадлежали к господствующей церкви, так или иначе воспитаны были в ее религиозном духе, инстинктивно, полусознательно или даже прямо бессознательно связаны были этим духом. Благодаря этому, при всем своем желании, при самом благородном нравственно чистом рвении они не могли вникать в самое существо старообрядческой жизни, духа и мысли.

Примером сейчас высказанной мысли служит Н.Н.Гиляров-Платонов. По окончании курса в Московской духовной академии в 1848 году первым магистром, он был оставлен здесь же бакалавром (приват-доцентом) и получил поручение образовывать кафедру по истории старообрядчества. И необыкновенно даровитый молодой ученый с изумительной энергией засел за старообрядческие книги, за разработку истории старообрядчества. Какой же создан труд? Человек переводил Гегеля, философию которого в самой Германии поняли всего три-четыре человека, а на старообрядчестве запнулся.

Через сорок лет покойный Н.Н. рассказывал нам об этих первых своих шагах в истории старообрядчества: "Бродил все время, словно в потемках, дух и характер исторически исследованных религий, философские и богословские системы самых различных направлений и оттенков, при самом первом прикосновении к ним казались мне доступными для исследования и определений самой их сущности. Совершенно иное чувство возникло во мне при первом же столкновении со старообрядчеством. Существенное, несущественное, в чем внутренняя подкладка, жизненная сила отдельных событий, общая связь с общим историческим явлением, психология мнений, лиц и всего обширного народного класса, — все это для меня было неясно, настолько туманно, что нигде и ни в чем я не видел просвета. Чувствовалось, что

здесь есть идея, что во всех мелочах живет и бушует какая-то огромная творческая сила, единая цельная в своем существе, на протяжении двух веков, в почти бесчисленном множестве дробных, по-видимому, не имеющих никакой связи между собой явлений и событий. Но в чем самое существо этой идеи, каково ядро этой силы, каковы особенности психологии людей, действующих этою силою, — все это для меня было непонятно".

Чтобы лучше, глубже вникнуть в психологию старообрядчества, Гиляров-Платонов собственноручно, с первой строки до последней переписал огромный том Поморских ответов. Через сорок лет мы видели эту переписку и убедились в ее тщательности, необыкновенной для Н.Н., никогда не любившего писать крупно, мастерски. Выводя строчку за строчкой этого исторического сочинения, Н.Н. хотелось войти в духовный мир автора, пережить то настроение, которое пережил он, создавая этот литературный оплот старообрядчества. "Чем дальше подвигалась эта работа, — рассказывал он, тем понятнее мне становился дух этого умнейшего и даровитейшего из старообрядцев, и иногда мне казалось, что я сам превращался в настоящего старообрядца. Писала рука, а поверх этих писанных строк или вне их ум выводил свои сложные узоры, предо мною открывалось внутреннее богатство этого отдаленного от нас мира".

Такие физические и нравственные потуги, такое напряжение мысли потребовались умнейшему из богословов и философов господствующей церкви, чтобы яснее взглянуть на старообрядческий мир, понять его духом и мыслию. Не только новым, но даже и очень выдающимся исследователям старообрядчества такие умственные и нравственные напряжения не под силу. Каков же результат этой изумительной по своей силе работы? — Старообрядчество есть совершенно своеобразный мир, со своею собственною идеей, со своею культурой, со своими историческими или даже мировыми задачами. В этом выводе указываются все исследования о старообрядчестве народнической школы, школы, признающей в нем действие живых исторических сил и отводящей ему историческое значение в прошедшем и будущем. Вывод этот приятен уму старообрядца и туманен по своему существу. В чем же именно заключается своеобразность старообрядчества, какова природа его идеи, культуры? На все это нет ответа. Ведь смешно же думать, что все дело, вся эта своеобразность ограничивается лишь одною видимою обрядностью.

Так, если миссионерская школа заклеила старообрядчество печатью невежества и некультурности, то школа народничества создала в нем духовную силу и, вместо объяснений самого существа этой силы, поставила над нею огромный вопросительный знак.

В существующей литературе нет ответа о существе старообрядчества, и при исследовании этого вопроса мы волей-неволей вынуждены обходиться без ее помощи.

ОТНОШЕНИЕ К СТАРООБРЯДЧЕСТВУ ДО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПЕРВОГО

Отношение к старообрядчеству господствующего исповедания, как синода, епископов, так и отдельных лиц, не представляется твердо определенными и устой-

чивым. Иногда для одних старообрядцы представляются чуть ли не врагами Христа, для других же они наиболее глубоко верующая и преданная истинной вере часть единого православия. Эта неопределенность сказывается иногда в мероприятиях синода и правительства крупного исторического характера. Давно ли, например, восьмиконечный крест считался символом раскола и невежества? И на наших глазах все священники украшались именно восьмиконечным крестом как символом своего сана. Найдутся архиереи, которые за стыд и бесчестие считают войти в единоверческий храм и совершить здесь службу по старым книгам и обычаям. Зато есть и такие, которые во время служения по-старинному, в единоверческом храме, отдыхают и умом и сердцем, служат в радости и духовном веселии. Усиливается против старообрядчества миссионерство, и в то же время епископы и духовенство глубоко перерабатывают свои существенные воззрения на старообрядчество, постепенно утрачивают прежнюю остроту и ненавистничество, начинают усматривать в старообрядчестве и истинную веру, и глубокую народно-историческую мысль. Хотя миссионерство, по-видимому, процветает, но, по существу оно прежде всего гложет само себя, бессознательно, и помимо своей воли уничтожает прежние отношения к старообрядчеству.

Все эти и подобные им явления указывают на то, что отношения к старообрядчеству создавались искусственно, не имели под собою твердых, положительных оснований. В настоящее время эти старые исторические отношения, можно сказать, окончательно разрушены, и на месте их созидаются отношения новые, и на новых началах.

Вполне ясные и определенные отношения к старообрядчеству существовали только в царствование императора Николая I при общем руководстве церковными делами московского митрополита Филарета. Тогда старообрядчество признавалось преступностью, как с церковной точки зрения, так равно, не больше и не меньше, и с государственной. Эта преступность в глазах церковных и государственных деятелей получала особо яркое выражение через то, что старообрядческая вера иначе не мыслилась, как верою невежд. По этим воззрениям старообрядчество решительно и бесповоротно относилось к типу невежественных преступников, и старообрядцы причислялись к людям, ничего и ни в чем не смыслящим, возмущавшим народную мысль и преисполненным всяких преступных замыслов.

Отношения эти имели двухвековую историю и создавались всеми условиями нашей исторической жизни за последние два века. Еще при царе Алексее Михайловиче старообрядцы были названы невеждами, причислены к преступникам против церкви и против государства и были обречены на церковное и царское наказание. При Петре I этот взгляд укрепился, расширился и получил как бы научную разработку. В глазах Петра и всех новых реформированных, переодетых в заграничные камзолы людей, старообрядцы явились противниками западной цивилизации, насильственно призванной на Русь и встряхнувшей все вековые устои русской жизни. Высшие церковные деятели, из коих к тому времени многие свободно владели языками латинским и греческим и в богословских вопросах мыслили по западным католическим и протестантским образцам, опираясь на свою науку, целыми десятками позорных названий клеймили и умственное и нравственное состояние старообрядцев. Можно даже сказать, что из богатого русского словаря были пущены в оборот

все слова, которыми подчеркивалось старообрядческое невежество. Самое имя "старовер" приобрело значение невежи, явственного глупца, и название "раскольник" обозначало дрянного, вполне безжизненного упряма и передавалось не в полном виде, а только в уменьшительном, – вместо "раскольник" говорили и писали "раскольщик".

Это необычайно презрительное отношение к весьма обширному классу народа, волновавшему обширнейшее государство, начиная от престола и кончая последним казаком, шло рука об руку с необычайными же общими условиями жизни.

Вынужденное бегство старообрядцев в заонежские тундры, на берега Белого моря, в дремучие (Брынские) леса, их движение на запад – в Польшу, юго-запад – в Галицию, Румынию, Австрию и Турцию, на восток – в Сибирь и юг – к Кавказу, – все это бегство сотен тысяч, если не миллионов, русского народа всюду сопровождалось колонизацией – оживлением дотоле безжизненных мест – и служило стихийно-народным подготовлением к будущему расширению государства. Тем не менее это движение старообрядчества во все стороны от родных земель, свидетельствовавшее о культурном разбрасывании великорусского населения далеко за пределы собственной области, не шло ему в честь и служило только поводом к лишним укоризнам: за старообрядцами не только не признавалось никаких культурных заслуг, но они сами считались "перебежчиками" и "изменниками" родной земли, несмотря даже на то, что им пришлось населить вечно замерзшие тундры, завоевать болотистые устья Дуная, добраться до берега Мраморного моря.

В то самое время, когда старообрядческое дело вызывало лишь упреки по его адресу, внутреннее положение церкви вело к мысли об убожестве старообрядчества. Учреждение синода сопровождалось превращением иерархов в чиновников средней руки и привило им дух и характер этих "служивых" людей: презрение к людям низшего ранга и раболепное заискивание пред высшими чинами. Отобрание церковных имуществ вызвало бесплодную борьбу с поставленной на высокий пьедестал бюрократией и отодвинуло на задний план задачи народной церковной жизни. Распределение епархий по губерниям поставило иерархов в положение губернаторов, воровавших груды русских бумаг и не говоривших по-русски. Создание богословской науки на обязательном латинском языке вдвинуло иерархов в ряды западных богословов – латинских епископов и немецких пасторов – и окончательно отрезало иерархию от народа и вынуждало духовных лиц относиться к старообрядцу как к обиженному и Богом, и судьбою глупцу.

Иначе и не могло быть. Чтение языческих латинских стихов Горация или Овидия и сочинение собственных, почти всегда плохих, стихов на латинском языке считалось в кругу богословски образованных людей верхом и чудом искусства. Чтение же Священного Писания на родном языке признавалось малограмотностью, внимание к народным церковным нуждам – неприличным делом, изучение старообрядческих запросов – невежеством.

Как для чиновного мира старообрядчество было простым "быдлом", так для мира иерархического оно всегда оставалось "непросвещенностью" и "глупостью".

Время императрицы Екатерины Великой в судьбах старообрядчества имело точно такое же значение, как 19 февраля 1861 года в общерусской жизни. 19 февраля отпустили на волю крестьян, ни к чему не приспособленных, не справляясь с их

внутренними запросами, не призывая их на общее государственное дело и не вникая в их дальнейшую судьбу; отпустили, как хозяин собаку с цепи: хочешь – живи, хочешь – костью подавись, а нам до этого никакого дела нет. Императрица Екатерина II примыкала к рядам самых образованных и самых свободолобивых западных мыслителей. С этой вершины умственного кругозора она глядела и на старообрядчество: с точки зрения западных философов старообрядчество для нее было дикостью, с точки зрения ее предшественников – императоров и бюрократов – оно было невежественною глупостью. И она даровала старообрядцам некоторую свободу, как глупцам и невеждам, без всякого соображения об их дальнейшем существовании и при полной уверенности, что старообрядчество не может оказать влияния на ход исторической жизни, и при полном незнании, что постановления старообрядческих соборов, именно в ее время, писались на более чистом и точном русском языке, чем ее собственные указы.

Гуманность по отношению вероисповеданий времен императрицы Екатерины II основывалась на философском безверии, на философском отрицании смысла и значения вероисповеданий.

В то же время господство синодальной церкви признавалось как старинная традиционная декоративная часть, придающая особый блеск императорскому двору. Никакого вопроса о смысле и значении старообрядчества вовсе не ставилось тогда. Были лишь распушены вожжи, дотолле сдерживающие старообрядцев в известных, строго определенных рамках, а иногда и больно хлеставшие по их спинам. При распушенных вожжах старообрядцы создают два центра: Рогожское и Преображенское кладбища, на долгое время становящиеся митрополиями, получающие значение двух кремлей, объединяющих огромные массы старообрядцев. Правительство смотрело на старообрядцев как на детей, играющих в куклы, и не хотело знать и интересоваться, какого рода эти куклы. А эти куклы, как сухие кости в видении пророка Иезекииля, приобрели жилы, покрылись мясом и кожей, и — "вошел в них дух, и они ожили и стали на ноги свои, весьма, весьма великое полчище".

Но старообрядческий вопрос через это вовсе не разрешился, он только усложнился, приобрел новый вид и новую внутреннюю гибкость, и новую разумность.

Лишь на одну минуту, на самой грани двух веков 18-го и 19-го, старообрядческий вопрос был поставлен надлежащим образом. Император Павел Петрович взглянул на старообрядчество как на живую народную массу, имеющую свои собственные побуждения и задачи, с которыми так или иначе необходимо считаться. Он своим "быть по сему" разрешил и утвердил единоверие, т.е. дозволил старообрядцам иметь священников для совершения богослужения и треб по старым обрядам. Это движение вперед продолжалось всего одну минуту, ту знаменательную минуту, в которую император Павел своим твердым почерком и ярко-черными, как лак, до сих пор блестящими чернилами написал: "Быть по сему". Текст прошения старообрядцев за столетие, с 1800 года поблек, но "быть" до сих пор блестит ярко, как будто только вчера написано, и властно призывает к делу. Но призыв не был услышан, и как только прошение старообрядцев с императорским "быть" попало к митрополиту Платону, самое "дело" попятилось назад: митрополит своими пунктами о единоверии поставил доселе не расшатанную перегородку между господствующим исповеданием и старообрядчеством – единоверием, провел между ними доселе не смытую

черту, как между чистым и не совсем чистым, как между образованностью и глупостью. "Старообрядчество есть глупость, которую нужно выводить," — вот тайная, психически верная и исторически ужасная мысль, которую руководился митрополит Платон при утверждении единоверия, которую он обрек на полную безжизненность союз между православием и старообрядчеством, которую он императорское "быть" превратил в святительское "не допущу". Благодаря этому история единоверия представляет собою историю сидения на двух постоянно раздвигающихся стульях.

Времена императора Александра Благословенного отодвинули старообрядческий вопрос на задний план. Тогда старообрядчество и "признавалось" и "не признавалось". На религиозные чаяния и побуждения русского народа смотрели с высоты идей французской революции, и эти побуждения, эту народную мысль находили убожеством, нищенством, детским лепетом, не имеющим ни смысла, ни значения. Тогда не было веротерпимости, было лишь отрицание русской народной веры. Под этой исторически неразумной ферулой старообрядчество исторически жило, складывалось, сил набиралось, доканчивало строение своих московских кремлей, едва-едва не затмивших славы и блеска единого общерусского московского Кремля.

Один из этих кремлей — Рогожское кладбище — сделался культурным и экономическим оплотом огромной Белокрыницкой половины старообрядчества. Другой кремль — Преображенское кладбище — превратился в культурный экономический и религиозный оплот другой — беспоповской половины старообрядчества. Благодаря отсутствию иерархии при внутренней ее "ненужности", здесь образовалась своя иерархия, и кладбище сделалось "Сионом", т.е. для огромной народной массы приобрело такое значение, какого не имел даже исторический московский Кремль.

Преображенское кладбище для старообрядцев-беспоповцев было то же, чем Иерусалим для иудеев и христиан; его главный наставник, в особенности Семен Кузьмич, пользовался в своих народных массах таким высоким почетом и уважением, какого не имели ни Платон, ни Филарет синодальной церкви. Его называли "патриархом", к его воле относились как к Божией воле, его благословение превратилось в самую сущность святости.

К началу нового царствования, ко временам императора Николая Павловича, спохватились, что "непризнание" религиозных сил народа не уничтожает этих самых сил, а лишь только дает простор к их развитию. Сочли необходимым вступить со старообрядчеством в открытый и кровавый бой; для этого боя были вытребованы все наличные государственные и церковные силы, — и старообрядчеству пришлось испытать тяжелые, печальные времена императора Николая I.

ОТНОШЕНИЕ К СТАРООБРЯДЧЕСТВУ ПРИ НИКОЛАЕ ПЕРВОМ

Бюрократизм и охранительство господствующего исповедания.

Время императора Николая Павловича обозначилось необычайным расцветом церковной жизни за весь синодальный период. Прежде всего, весьма замечательно случайное совмещение на императорском престоле царя, вводившего строго систематический или казарменный порядок во все жизненные явления, и на московской митрополии — Филарета, человека гениального ума и железной воли, монаха-аскета

и государственного деятеля, подчинявшего церковную жизнь строгому школьному порядку. Это совмещение создало удивительную гармонию между задачами государственными и церковными. Благодаря содействию митрополита Филарета, государственные задачи императора Николая I привились к церковной жизни больше, чем к жизни государственной. Казарменный быт со строгой ответственностью за каждое движение и за каждое слово, с распределением людей по систематически отмеченным клеткам и рангам к общей жизни вовсе не привился. Он сделался господствующим в жизни церковной и бюрократической и в последней не без воздействия тогдашней духовной школы, являвшейся поставщицей огромного класса.

То, что теперь называют бюрократизмом, т.е. распределением людей и даже самой человеческой мысли по рангам, их регистрацией по входящим и исходящим бумагам, – все это составляло внутреннюю сущность, сокровеннейший характер духовной науки. Ни в одном просвещении не было такой стройной классификации наук, как в духовном, и нигде, кроме духовного просвещения, не было такой твердости и тонкости логического мышления. Эта логичность, доведенная до точности математических формул, признавалась совершенством духовного развития. Одним словом, и в жизни, и в мысли на долгое время воцарилась средневековая схоластика. Когда она попадала в чиновный мир, она делалась господствующей мыслью и постепенно, камень за камнем, создала грандиознейшее бюрократическое здание. Когда она встречалась с живою человеческою мыслью, она уличала стихийное человеческое разумению в нелогичности и отвергивалась от него, как от невежества.

Случайное соприкосновение с богословскою наукою таких гениальных людей, как митрополит Филарет, О.А.Голубинский, Делицын, А.В.Горский и др., покрыло внутренний существеннейший недостаток богословской науки и сообщило ей высокую славу. Митрополит Филарет, не будь он монахом, имел все данные сделаться чрезвычайно великим государственным деятелем, способным затмить дело и славу Бисмарка; О.А.Голубинский мог сделаться родоначальником своеобразной русской философии, в роде и значении Канта на Западе; Делицын по самой своей природе был философ-математик, в роде Лейбница, а А.В.Горский был удивительнейшим богословом-богатырем, так что в русской жизни ни до него, ни после не было подобного. Но все они не выразили своего истинного призвания, все остались при духовной школе и своими гигантскими фигурами заслонили существеннейшие недостатки этой школы: математическую логичность, чуждую жизни и отрицавшую живое чувство и живые побуждения.

Все эти означенные условия создали то, что господствующий церковный строй признавался вершиною знания и мудрости, казался совершеннейшею жизнью, украшенною яркою зеленью и разнообразнейшими цветами. Совершенством жизни казался именно логический распорядок, математическое распределение людей по отдельным клеткам, составляющим в своей совокупности необыкновенно замысловатую и чрезвычайно красивую фигуру. В этой фигуре видели Божественный разум, за ней признавалось Божественное происхождение. Благодаря этой фигуре, митрополит Филарет даже на закате своих дней, в шестидесятые годы, крепостное право считал происшедшим от Бога, выражающим высший разум. Ему казалось заманчи-

вым и даже Божественным распределение живых людей по мертвым клеткам шахматной доски.

"Всякий человек должен стоять, вытянувшись в струну, и держать руки по швам" — вот основное правило, на котором созидался государственный и церковный быт при императоре Николае Павловиче. Государство и церковь иначе и не мыслились, как только необычайно стройным и бесконечно великим взводом. Взвод этот представлялся, словно роскошная картина, обрамленным с обоих флангов начальниками в живописных костюмах: с одной стороны — в гражданских и военных мундирах, с другой — в церковных облачениях. На каждом человеке лежала одна священная обязанность — хранить честь своего мундира, если таковой имелся, и идти нога в ногу по команде старших. Никаких живых потребностей — ни жизненных, ни умственных запросов, ни религиозных побуждений — в отдельных лицах не предполагалось.

Если тогда в школах и практиковалось религиозное обучение, то, во всяком случае, оно не было целью возбудить личную жажду религиозного знания, а только лишь средством в живую душу влить мысль о "взводности" всей жизни, целью освятить религией хождение нога в ногу. Душою и живым свидетелем этого великого дела является знаменитый катехизис митрополита Филарета. Эта всем известная книга удивительна по сочетанию религиозных истин с правилами государственно-бюрократической мудрости. Вперемежку с религиозными и нравственными положениями здесь чуть не в каждой строчке преподаются наставления и советы, как держать себя в государственном строе или взводе. Высочайшие богословские истины и глубочайшие нравственные правила в катехизисе Филарета излагаются так, что непосредственно из них вытекают и честь мундира, и маршрутовка по стройной команде, и святость рабства.

Наряду с этою стройностью государственного взвода религиозная жизнь русского народа даже господствующего исповедания за означенный период наполнена темными и кровавыми страницами. Она еще не исследована и в будущем даст целые тома описаний, каким пыткам подвергался называемый "православным" русский человек, стремившийся к личной религиозной жизни и через это самое выходящий из всеобщего государственного фронта. Вот, например, страничка из истории "пустынножителства в рославльских лесах". Эти обширные леса в начале прошлого столетия облюбовали старцы из простого "православного" люда. С ведома местных помещиков они селились здесь на песках и в лесных труппах. Строили крошечные кельи и предавались свято чтимому церковью монашескому подвигу. Окрестные крестьяне видели в них образец нравственного совершенства, шли к ним учиться христианскому смирению и благочинию, дорожили их общением и призывали их на ответственные посты наставников и руководителей целых общин. По всем скитам, пустыням и отдельным кельям в рославльских лесах находились люди всякого монашеского чина, включительно до архимандрита. Сюда шли из монастырей монахи, тяготившиеся монастырско-бюрократическим строем и жаждавшие личной веры и личного религиозного подвига, и простые люди, стремившиеся к личному разумению хоть в чем-нибудь и о чем-нибудь, искавшие выхода из душных тисков государства-ранжира и церкви, построенной по-ротню. Скиты эти имели огромное влияние на местную жизнь. В 1817 году умер один из владельцев, в поместьях кото-

рых жили пустынники, отставной гвардии поручик Стефан Фомич Повайло-Швыйковский. По своему завещанию он весь свой капитал отказал на строившийся храм, крестьян отпускал на волю, предоставляя в их пользу все свои земли и угодья. Под влиянием таких же свободных монахов-"пустынножителей" и многие другие помещики края не менее человечно относились к своим крестьянам и к местным народным нуждам; таковы Лошакова, Броневская, Михаил Кулеша, его зять Феодор Гильдельшанц и другие.

Начиная с 1824 года местным властям посыпались доносы, в которых монахи выставлялись развратителями народа, а помещики обвинялись в том, что они "держат в своих лесных дачах неизвестных подозрительных людей и склоняются ими к тому, чтобы крестьян сделать вольноотпущенными". Вследствие таких доносов сначала схватили и засадили в острог монаха Арсения, затем в 1824 году разорили пустынь в Байгорах, а в 1825 пустынь Екимовичскую. По всем обширным лесам края устраивались настоящие облавы, пустынников рассылали в разные стороны: приписанных к монастырям – в их обители, а остальных – на родину или к месту приписки.

Летопись этих гонений дает следующие фактические сведения: "Отца Афанасия при отношении от 18 октября 1825 года, суд препроводил в Свенский монастырь; отец Досифей был выпущен из тюрьмы с лишком через два года и отправлен в Оптину пустынь; архимандрит Геннадий из острога отправлен был в Орел, в Площанский монастырь, а старец Авраамий ушел в жиздринские леса; монах Арсений после долгих странствий по разным острогам попал в Белобережскую пустынь; только один Дорофей вернулся из острога в рославльские леса, но он поселился уже не в прежней своей пустыни, а в 15 верстах от нее, в имении помещика Брейера".

Эта маленькая летопись свидетельствует о духе "истребления", господствовавшем во времена императора Николая I, подгонявшем под один ранжир всякое живое чувство, всякое проявление веры. Дух истребления прежде всего обрушивался на народную массу господствующего исповедания. Принуждали ходить в церковь, но без всякого участия живой мысли; допускали строить храмы, но по мысли начальствующих и чиновствующих. Церковь создавалась не как живое общество чувствующих и думающих людей, а как красивый мертвый механизм. Она выкристаллизовывалась как драгоценный, но бездушный камень. Всякая живая мысль, всякое живое верование рассматривались как нарушение этого искусственного церковного строительства.

"Церковь есть духовенство, т.е. такое правительственное учреждение, которое не подлежит никакому воздействию со стороны народной верующей массы, и нисколько не считается с народными побуждениями, думами и чаяниями". Такой взгляд окончательно сложился при развитии русской богословской науки в 30-х и 40-х годах прошлого столетия. Он не был делом науки, не получил научной обработки и научного утверждения. Наука, в лице знаменитого Павского и Руднева, высказавшихся о живом народном участии в церковной жизни, как бы противилась этому взгляду. Но, не смотря на это, взгляд этот укрепился, вошел в жизнь, сделался духом и плотью правящих сфер, включительно до последнего чиновника, с одной стороны, и сельского дьячка, с другой. Он как нельзя более соответствовал общему бюрократическому строю, даже больше – являлся душою этого самого строя и его высшим

освящением. Он был тем культурным началом, на котором зиждилась вся великая русская религиозная жизнь.

Из означенного взгляда, названного в литературе 50-х годов – византийскою формою мышления, прежде всего вытекало оберегательство или охранительство господствующего исповедания от всего, что могло бы дать какой-нибудь намек на участие в церковной жизни народной мысли. Например, митрополит Филарет любил освящать церкви и нередко весьма гневно выговаривал старосте-храмоздателю просто за окраску, за какую-нибудь зеленую или желтую кайму, которая не понравилась его святительскому глазу. Какое значение имеет полоска той или другой краски, цвет церковной крыши, высота колокольни, весь колокол, и в каком подчинении все это находится к высшей церковной власти? Никакому самому строгому богослову не придет в голову ставить и разрешать подобные вопросы. Но церковный бюрократизм, ввевшийся в плоть и кровь, рассуждал иначе, и по нему выходило, что всякое пятнышко на церковном здании, всякий мазок кистью может быть сделан только с консисторского разрешения и архиерейского благословения, чтобы не было никакого проявления свободной мысли человека-мирянина, чтобы ничто не могло подать повода о каком-либо участии в церкви живой человеческой мысли.

В 1857 году Н.Н.Гиляров-Платонов написал очень обширную и обстоятельную критику на известную "Историю русской церкви Макария". Критик высказал сожаление, что историк ни одним словом не обмолвился о жизни русского народа как общества верующих, как церкви. Ни светская, ни духовная цензура этой статьи не пропустила, и она появилась только через два года, когда автор рискнул пропустить ее за своей собственной цензурой. Статья вызвала негодование синода: в мысли об участии народа в церковной жизни усмотрели не только погрешность, но и еретическое направление.

В этой насильственной недоступности, в которую поставлена была живая мысль к интересам религии и церкви, лучшие русские люди видели главную причину того бесплодия, которым при императоре Николае I была поражена русская мысль, и все образование и корень многих печальных явлений в нашей церковной организации. Даже М.Катков в 1858 году высказался, что "православная церковь, по своей сущности должна быть чужда инквизиционного начала и полицейского духа; что прививать к ней этот дух, столь противный ей, значит – низводить ее на арену человеческих страстей и преходящих мнений, унижать ее достоинство, оскорблять ее характер, затемнять ее святую сущность и скоплять против нее напрасную горечь в умах". Высказывая это, Катков тогда же требовал "свободы слова" для обсуждения высших религиозных и церковных вопросов и возмущался указанным "охранительным" началом, превращающим народную религиозную жизнь в "искусственные препараты".

Если "охранительное" начало приводило в негодование таких людей, как Аксаковы, Гиляров, Катков, – то какие чувства возбуждало оно в простой народной массе? Религиозная совесть первых, ни в каком случае, несмотря на весь ужасающий нас тогдашний режим, не могла подвергнуться гонению в их обыденной обстановке; правда, Гиляров за живое отношение к истории старообрядчества и за мысль о живом участии народа в церковной жизни был "по собственному прошению" удален митрополитом Филаретом с академической кафедры, но он все же не был раз-

давлен, не был отослан на "увещание" в консисторию. Простой народ находился в совершенно иных условиях: его религиозная совесть выражалась не в теоретических вопросах, а в видимых конкретных предметах и была всегда на виду низших церковных чинов – священников и причетников, и от них доходила до чинов высших – благочинных, консисторий и архиереев.

"Охранительное" начало тщательно выметало все, что бы, так или иначе, напоминало о старообрядчестве. Восьмиконечный крест на церковных куполах обязательно сменялся на четырехконечный и вовсе не допускался на вновь строящихся храмах. Старинные иконы, случайно уцелевшие в церквях, сносились на чердаки, в подвалы и заменялись иконами нового письма. Двуперстное сложение на иконах переделывалось в именованное и троеперстное. Старопечатная книга, найденная в избе истого "православного" ревнителя церкви, являлась "оказательством" старообрядчества и отбиралась с подпискою "впредь таких книг не приобретать и у себя не держать". Привычка к "двуперстному" сложению вела на "увещание" благочинного, консистории, особой комиссии и часто заканчивалась острогом.

"Охранительное" начало в применении к простой народной массе, как видно из приведенных примеров, являлось началом "истребления" старообрядческого духа, сохранившегося в народной жизни. Это явление, решительно замолчанное духовными исследователями, привело Церковь-народ к внутренним потрясениям и создало такие условия, которые не только парализовали гонения на чистое, замкнувшееся в особые согласия старообрядчество, но и вдохнуло в него новую жизнь и расчистило для него пути к дальнейшему внешнему расширению и внутреннему развитию.

На старообрядцев при Николае I, по меткому выражению Н.Н.Гилярова-Платонова, смотрели как на людей, вышедших из фронта, выпятивших грудь не по линии, по которой расставлены люди-солдаты. Этот взгляд был ярким выражением всей государственной системы императора Николая I. Он как нельзя больше соответствовал духу и характеру церковной жизни и духовной школы. Благодаря искусственной глубине своей мысли, церковные деятели и богословы никакой мысли и в старообрядчестве не усматривали: старообрядцы казались им просто глупыми невеждами, не вкусившими никакой мысли. Благодаря необыкновенной логичности своего мышления и на этом мышлении созданного представления о Божественном устройстве всего мира, богословы и церковные деятели смотрели на старообрядцев как на людей, нарушающих гармонию мира. Как таковые нарушители старообрядцы подлежали окончательному истреблению, предопределенному Божественным разумом и оправдываемому общим стройно-логическим мирозерцанием. Как глупые невежды, старообрядцы даже для гениальнейших и прозорливейших умов не представлялись силой, и расправа с ними казалась делом легко выполнимым, – стоит лишь пустить машину в ход, и дело будет окончательно улажено.

Сознание собственной церковно-административной высоты и силы приводило к мысли о полном ничтожестве и бессилии старообрядчества. Логичность мышления и созданного быта заставляли смотреть на старообрядцев как на печальную погрешность в мироздании и мироустроении. Все же вместе указывало на единственный вывод, что старообрядчеству нет места ни в жизни, ни в мысли. Для жизни старообрядцы казались людьми, вышедшими из фронта, для мысли – аномалией, таким

явлением, которое нельзя ни осмыслить, ни подвести под какое-либо знание: все знания и все духовные науки были условными, логическими схемами, и среди них для старообрядчества никакого места не оказывалось. Отсюда, при императоре Николае Павловиче, создаются правительственные и церковно-административные мероприятия, и в то же время в умах церковных людей возникает сознание, что полнейшее уничтожение старообрядчества предопределено Богом и возложено на человека как его прямая, существеннейшая и священная обязанность.

Через все изложенные условия создалась внутренняя потребность в гонениях против старообрядцев, и явилось оправдание этих гонений богооткровенной мыслью: они казались не только допустимыми, но и священными.

ИСТОРИЯ СТАРОЙ КНИГИ

Выше мы изложили историю взгляда на старообрядчество как на невежество, как на неразумие. Взгляд этот противен историческим данным. Первым своим делом старообрядчество завоевало гонимую и осужденную на окончательное истребление "старую" книгу и усвоило все те догматические, церковно-исторические, канонические, археологические и другие знания, которые в этой книге содержались.

Старообрядчество первоначально выражалось исключительно в убеждении, что истина содержится в старой книге и праведная церковность – в исполнении всего предписанного этою книгою. В первые годы у старообрядцев не было никакой мысли о новом положении, новом быте. Все их надежды сосредоточивались в одном – вернуться к тому церковному порядку, который был раньше установившегося при патриархе Никоне. Протопоп Аввакум и умер с этим желанием и с надеждою, что вот-вот царь прикажет служить в церквях по-старому и все расстройство, все народное смущение прекратится само собою. Этого не случилось, и само по себе, без помощи высшего правительства, старообрядчество не могло удержать прежнего церковного порядка во всей его полноте и внешнем блеске: верные старине, духовного и иноческого чина люди растаяли как воск в течение трех десятилетий. И старообрядчество осталось с одной старою книгою. Благодаря этому, а также и гонению, которому подверглась старая книга, эта последняя приобрела особое, глубоко культурное значение. При весьма низкой грамотности в 17-м столетии, точнее, при общей тогдашней безграмотности и при весьма ограниченном количестве книг на все миллионное население России, несомненно, что тогда церковная книга была в частной семье такой же редкою гостью, как теперь наблюдается это среди господствующих, и что она была так же малоизвестною, как и нынешняя церковная книга. Гонение же на старую книгу способствовало тому, что она из храмов переселилась в частные дома приверженцев старины. Эти последние всякими способами, не щадя ни сил, ни умения, ни средств, старались приобрести гонимые книги, припрятать их и сохранить. И почти вся русская старопечатная и древнеписьменная литература чрезвычайно быстро распространилась среди русского народа, преимущественно среди низших классов его – купечества и крестьянства. Это явление имеет необыкновенно важное значение и может считаться почти единственным в истории. Оно означает, что почти все монастырские и церковные библиотеки поступили в свободное обращение среди народных масс. Значение этого факта можно определить при-

близительным сравнением. В настоящее время церковных и специально богословских книг и сочинений имеется весьма достаточное количество. Но церковные книги лишь переключаются в церквях с одного клироса на другой, в частных же домах их совсем нет, и едва ли с ними вполне знакомы даже духовные лица. Богословские книги помещаются в книжных амбарах и специальных библиотеках и лежат здесь без всякого движения. Представьте себе, что на Русь нагрянул сильный враг и приказал уничтожить все это книжное богатство. Русские же люди взяли да и повываскали все эти книги к себе по домам, уверившись, что в этих малоизвестных и не оцененных книгах содержится слово мудрости, неизбежный закон жизни и величайшая святость, и что эти книги нужно тщательно сохранять и внимательно изучать. Не прошло бы одного десятка лет, как весь русский народ стал бы церковно и богословски образованным, а ценность самих книг возросла бы в несколько раз, и поэтому они сохранились бы лучше всяких библиотек. При постоянном пользовании ими они сделались бы действительным народным богатством и составили бы весьма значительную статью тайной народной торговли.

Приказами начальства старые книги велено было заменить новыми. В богатых монастырях и приходских храмах, исключая явно предавшихся старине, как Соловецкий и Палеостровский, эти веления выполнялись неукоснительно, хотя, быть может, с тайным недовольством и грустью: старые книги, до отправки их в Москву на печатный двор, просто сносились в подвалы и на чердаки, а из Москвы "за чистое серебро и медные денежки" выписывались новые. В монастырях захудалых и в приходах убогих эта новизна вводилась с заминкою: не хватало грошей на покупку новых книг и на отсылку в Москву старых. Приверженцы старины, ревниво озиравшиеся и направо и налево, прежде всего обрушились на эти убогие церкви: они или просто скупали старые книги, или же выменивали их на новые и этим самым выручали из неловкости пред начальством бедных людей. Явились особые торговые люди, которые в Москве и других больших городах покупали новоисправленные книги, развозили их по России и на них выменивали книги старые, а с ними и иконы, подвергшиеся начальственной каре. И духовные власти были довольны, что новые книги вводятся рачительно и приемлются безоговорочно, а настоятели бедствующих монастырей и церковей ликовали, что приятие новых книг учинилось без ущерба для церковной казны. И старообрядец, ведущий торг, многократно был радостен: Господь сподобил его изъять святыню из рук нечестивцев.

Несколько позже не укрылись от этих торговых людей подвалы и чердаки богатых монастырей и церковей. Но тут дело иногда требовало большой мозговитости. К архимандритам, игуменам и протопопам не всегда можно было подступиться, приходилось выжидать благоприятного случая. Появлению этой благоприятности помогало то, что старые книги, сваленные в потайных местах, забывались главным начальством и поступали в ведение казначеев, экономов, рухлядных монахов и даже еще более низких подручных властей. При искусной тактике торговца, успевшие уже заплесневеть старые книги поступали, иногда совсем тайно, иногда только полупувно, в его собственность, а монастырь приобретал или круг новых книг, или какую-либо необходимую для обихода рухлядишку, а в иных случаях и ничего не получал: старые книги из-под некрепких замков выходили по очереди, понемногу, друг за дружкой, заменяясь новоисправленными, уже в значительной степени ис-

трепанными, подмоченными и состаренными. По истечении же времени оказывалось, что тщательно и без всякого употребления хранившиеся старые "раскольнические" книги обратились в прах и пепел, и начальству доносилось: "каковых названий были эти старые книги, о том уведать невозможно, ибо за истлением прочести их нельзя". И тлен предавался огню, а помещение получало новое назначение. Освобождаясь от старых книг, местные церковные власти иногда чувствовали и большое облегчение. Случалось так, что о книгах, сохраняющихся в секретном месте, совсем позабывали в монастыре, но об этом ведали старообрядцы, знали от отцов и дедов. И вдруг такие запретные книги объявлялись. В 18-м веке возникали большие судные дела: монастырское начальство доносило об объявившихся старых книгах и спрашивало, как с ними быть; начиналось следствие, откуда эти книги, какие они, не были ли употребляемы, и монастырь терпел законные потери и издержки, а власти в беспокойствии пребывали. Во избежание таких неприятностей местным церковным властям гораздо выгоднее было более простым и менее хлопотливым способом освободиться от не требующихся книг.

Самым первым и главнейшим последствием введения новых книг было то, что старая книга перешла в народ, к приверженцам старины. И эта книга, попавшая в частные дома и убогие хижины, быстро привела чуть ли не к сплошной грамотности всей старообрядствующей массы. В данном случае не было школьного образования в нашем современном смысле, а произошло чисто народное, стихийное распространение грамотности. Деда, имеющие внуков, отцы, озабоченные о родителях и собственных детях, матери, кормящие грудью, девицы-красавицы, молодцы-удальцы — все находили возможным отрываться от своих злободневных занятий, научались грамоте и трепетно читали священные строки святых книг. По старообрядческим актам конца 17-го столетия, всего через 20-30 лет после начала "раскола", можно судить, что уже тогда старообрядцы имели книг множество и грамоту разумели. В 18-м веке, в первой четверти его, старообрядцы даже ощущают недостаток в книгах, особенно учительного и религиозно-бытового характера. Помощь пришла со стороны знаменитого Выговского монастыря, на севере, около Онежского залива Белого моря. Здесь создалась огромная школа специальных переписчиков, писавших особым стилем, известным под именем поморского письма. Здесь книги изготовлялись чрезвычайно быстро и в весьма большом количестве и отсюда развозились по всей России, особенно же по Волге, Дону и Уралу. Эта "переписная мастерская" заменяла настоящую, хорошо обставленную типографию и выпускала книг более, чем тогдашняя московская патриаршая типография, единственная на всю Россию; Поморские книги встречаются и в настоящее время сравнительно часто и имеют высокую ценность по своей безусловной правильности и особо характерному стилю письма. Несколько позже старообрядцы, укрепившись в Литве и Царстве Польском, навели там свои типографии, и здесь старые книги печатались и тайно, и явно, и даже с разрешения "его крулевого величества". Об обыкновенных же писцах, имевших своим ценным ремеслом переписку книг, и говорить нечего: они составляли большой процент всего старообрядчества и начинают исчезать только в настоящее время. Эти книжные переписчики, эти типографии показывают, что старообрядцы нуждались в книге, а это, в свою очередь, свидетельствует о грамотности. Эта грамотность, при почти сплошной безграмотности низших "православных" классов, привела в то вре-

мя яркую разделительную черту между "православием" и старообрядчеством. В то время, когда, господствующее церковное правительство вынуждалось издавать законы, запрещающие венчать не знающих молитву "Отче наш", старообрядцы знали все употребительные молитвы и даже Часовник, Псалтырь и весь основной круг богослужения и, конечно, не смешивали образы Николы Чудотворца с Иисусом Христом и не делали различия между Спасителем, "сидящим на престоле", "в рост", "в пояс" и "с одною головкою", а все это среди господствующих встречается и в настоящее время. Черпая свои знания исключительно из старых книг, не содержащих ни невежества, ни грубых языческих суеверий, старообрядцы давным-давно покончили и с народными суевериями: колдуны, заговорщики среди них явление исключительное. Эта же самая грамота дала старообрядцам и экономический достаток: лучшие плательщики господского оброка, откупившиеся на волю, были в большинстве случаев старообрядцы. И в московском районе, на Волге, Дону, Урале, на Севере между господствующими и старообрядцами главное бытовое различие заключается в том, что у "православных" – избушки на курьих ножках, а у старообрядцев – избы с мезонинами, промыслы местные и отхожие и фабрично-заводская промышленность.

Все указанные выше черты способствовали старообрядцу выработать особый упругий характер как в жизни бытовой, так в религиозной и общественной. В Польше, например, православное русское население, не исключая и интеллигенции, еле-еле подает голос о своем существовании, старообрядцы же чувствуют себя как дома. В окрестностях старообрядческих сел существует особая характерная поговорка: "православный боится поляка, поляк трепещет перед жидом, а жид трясется перед старовером". Эта же самая упругость и стойкость в "отеческих" исторических преданиях сказывается и в характере образованных старообрядцев. Старообрядцы не только не гнушаются высшим образованием, но и свой религиозный домашний и общественный быт умеют спаивать, соединять с высшей наукой. Есть старообрядцы-юристы, техники, ученые химики; бывали из них даровитыми лаборантами в университетских лабораториях, например, у профессора Менделеева. Эти изведавшие высших, в европейском смысле слова, полетов мысли, обнаруживают удивительное явление. "Православные", достигая такой умственной высоты, в большинстве случаев вместе с этим порывают свои прежние связи с верой, с храмом, с религиозным укладом жизни, старообрядцы же и в данном положении оказываются неприкосновенными, остаются страшно устойчивыми. Приезжает старообрядец из университетской лаборатории, знакомый со всеми новейшими данными естественных наук, у себя дома надевает косоворотку, кафтан и читает часы на клиросе своей родной моленной, поет по старинным крюкам; он чувствует себя своим в кругу своих попов, наставников, разных уставщиков, с гордостью примет на себя обязанности попечителя моленной, не побрезгует сделаться общественным деятелем среди этих своих родных бородатых кафтанников и двуперстников.

НАЧАЛА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

При самом появлении старообрядчества на его стороне стояли люди не менее образованные в тогдашнем смысле, чем и люди реформ. Протопоп Аввакум может

быть причислен к выдающимся людям человечества. По силе, изяществу и необыкновенной одухотворенности своего слога он принадлежит к соиздателям могучего русского литературного языка. Некоторые его описания природы и человеческих движений по своей литературной красоте стоят нисколько не ниже выдающихся произведений первоклассных писателей. Однажды на собрании миссионерского братства Петра митрополита тогдашний председатель его, епископ Виссарион, благодарил Н.Субботина за издание сочинений протопопа Аввакума (VIII т. Материалов для истории старообрядчества).

— Прочитал я, — говорит епископ господствующей церкви, — сочинения Аввакума. Какая сила, какой талант! Это Пушкин 17-го столетия. Здесь основание настоящего литературного русского языка. Современники и позднейшие наши писатели не воспользовались литературными приемами Аввакума, и наш язык хромал до Пушкина. Если бы русская литература пошла по следам, указанным Аввакумом, она была бы совершенно иною, ушла бы вперед на целых два столетия. Вы, Николай Иванович, сделали ценное открытие, и вас необходимо благодарить за издание этих сочинений; этим вы поставили себе памятник.

При последних словах архиерей сделал Субботину поклон. Профессор-расколовед поморщился на такое восхваление архиереем родоначальника старообрядчества.

Говоря вообще, памятники первой старообрядческой письменности ни в каких отношениях не ниже произведений лучших тогдашних писателей господствующей церкви. Это же самое явление наблюдается и в петровские времена. Сочинения братьев Денисовых и других выговских пустынножителей поражают изяществом слога, разнообразием и глубиной догматических, канонических и церковно-исторических знаний, пониманием человеческой жизни. В литературном и фактическом отношениях они не ниже, если не выше, самых первых тогдашних писателей господствующего исповедания Феофана Прокоповича и Дмитрия Ростовского. Так называемые "торжественники" (поучения на праздники) Андрея Денисова обладают большими литературными достоинствами, чем Четии-Минеи Дмитрия Ростовского.

Училище Выговского монастыря, как теперь достоверно известно, по своему образовательному значению стояло выше тогдашних школ при архиерейских домах. То же самое можно сказать и о других старообрядческих школах. В то время даже священники господствующей церкви нередко отдавали своих детей в школы старообрядческие.

Начиная с возникновения "раскола" до Екатерины II, т.е. в продолжение целого столетия, главнейшие представители старообрядцев и господствующих не имели какого-либо существенного различия по своему образованию. Даже выходцы из киевской академии, начиная с Петра, во множестве занимавшие епископские кафедры в Великой России, не могли сделать этого различия существенным. Через Андрея Денисова, талантливое воспитанника той же киевской академии, начала западно-русской образованности, точнее вся внешняя ученая техника, на долгое время свили себе прочное гнездо в Выговском монастыре и отсюда непрерывными волнами разливались по всему старообрядчеству.

Риторическое построение речи, диалектические приемы, склонность к схоластике, философствованию, – все это весьма ярко бросается в глаза, как в сочинениях самого Андрея Денисова, так и его брата Симеона и других выговских писателей. В числе книг, вышедших из Выговского монастыря, здесь сочиненных или только переписанных, встречаются и чисто философские сочинения.

Начала образованности, в смысле приемов правильного логического мышления и грамматической речи, в среде старообрядческой распространялись быстрее и глубже, чем в среде господствующего исповедания. Эта, по-видимому, даже и для старообрядцев сомнительная истина доказывается весьма легко.

Мы, не исключая даже и образованных старообрядцев, все еще имеем способность преклоняться перед временем Петра, перед тою кипучею титанической деятельностью, которую выказывали он сам и его всякие чужеземные сподвижники. Как ни оценить эту преобразовательную деятельность, высоко или низко, она ни в каком случае не имела доброго значения на церковное домостроительство. Об этом совершенно ясно высказываются теперь даже епископы господствующей церкви. И это не подлежит никакому сомнению: ученые иностранцы, естественно, не могли оказать доброго влияния на господствующую церковь; русские, воспринимавшие начала западноевропейской образованности, вместе с этим все дальше и дальше уходили сами от церкви и к временам Екатерины II уже ясно определились индифферентными, т.е. безразличными относительно веры.

Образованность петровских времен никаким образом не может служить показателем высоты господствующей церкви; с одной стороны, эта самая образованность не имела никакого отношения к церкви, а с другой – не улучшала, а только ухудшала ее правление и разрушала ее вековой быт.

Показателями образованности господствующей церкви тех времен, по-видимому, могли бы быть ученые архиереи, выходцы из киевской академии. Но они, притом почти все, слишком мало были знакомы с бытом, умственными, вероисповедными и государственными воззрениями своих пасомых, так что не могли даже оказать на них какого-либо живительно-просветительного воздействия. Связанные бюрократическими началами исключительно с верховным и гражданским правительством, они постоянно отвлекались ради службы от народа. Поэтому их ученость могла проявляться лишь в официальных бумагах и официальных речах и не имела никакого отношения не только к народу, но даже и к подчиненному духовенству. Не возбуждаемые и не одухотворяемые жизненными народными силами, эти ученые не могли освободиться от вычурности и излишней схоластичности в своих ученых писаниях и сделать последние доступными для народа. Их ученость закристаллизовалась в школьных приемах школьного богословствования и вовсе не пошла в народ, не возбудила в нем каких-либо заметных или незаметных движений. Чужая для русского ума и сердца просвещенность, хотя и под названием философии и богословия, не пошла дальше архиерейских подворий и застыла здесь, как камень, и в этом виде постепенно стала передаваться духовным школам, и опять без всякого возбуждения народной верующей мысли, даже в собственной среде ученых богословов.

Основные и простейшие начала просвещенности в среде старообрядческой имели большее счастье, как относительно распространения, так и переработки их

народным духом, переварения и растворения их в народной мысли для оживления этой последней.

При самом начале старообрядчества русский народ, как и целые века раньше, пребывал почти во всеобщей, сплошной безграмотности с верхов до низов. Старообрядческое движение ознаменовалось, прежде всего, широким распространением грамотности. Старообрядчество инстинктивно стремилось к тому, чтобы безграмотности вовсе не было в его среде, и к концу 17-го столетия оно является грамотным классом среди огромного безграмотного народа. До половины 19-го века, даже почти до наших дней, распространение старообрядчества обозначалось распространением грамотности.

Петр I вынужден был издавать указы, принимать особые суровые меры, чтобы распространить грамотность среди дворянства, и эти строгости сурового царя оказывались бессильными и слишком слабо, медленно вели к намеченным целям. Совершенно иное явление наблюдается в старообрядчестве: раньше мероприятий Петра о распространении грамотности среди высшего класса народа старообрядцы без всяких побуждений извне, со стороны власти, а собственною народною силою почти чудодейственным образом превратились из безграмотных не только в просто грамотных, но и знающих содержащееся в книгах, умеющих разобраться подчас в очень глубоких богословских положениях.

К временам Андрея Денисова главная масса старообрядцев была уже грамотною, знающей общие или основные догматические положения христианской веры и особенные положения, собственно старообрядческие, свои особенности и отличия от церкви господствующей. Поэтому, основывая Выговский монастырь и постоянно действуя в многочисленных старообрядческих местах, Андрей Денисов оказался в гораздо более счастливом положении, чем его, так сказать, однокашники, воспитанники киевской академии, очутившиеся во главе русской церковной иерархии. Последние, поселяясь в архиерейских домах и становясь во главе обширнейших епархий, имели у себя под рукой, в виде паствы, почти исключительно неграмотных и малосведущих людей, если не прямо невежественных. Даже при всем желании они не могли с более или менее значительным успехом приложить к живому делу свои богословские и философские познания, оживить и возвысить свою паству словом своих красноречивых проповедей. Для этого у них не было способных слушателей, исключая редких и случайных людей. Они очутились среди народа, хотя и преданного им, но не понимающего их языка.

В значительно лучшем положении и в лучших условиях пришлось действовать Андрею Денисову. Грамотная, понимающая основные догматы веры и церковные обряды, сравнительно развитая, встревоженная гонениями и ими наученная житейской мудрости в своих скитаниях, практически ознакомившаяся с географией отечества и бытом народа различных местностей, – вот среда, с которой имели дело Андрей Денисов, его сподвижники и другие деятели старообрядчества. При чтении истории Выговской пустыни, с первой строки до последней, чувствуется, что здесь живут и действуют просвещенные люди, легко отдающие точные отчеты в своих поступках и мыслях, энергично приспособляющиеся к жизни в холодных, ненаселенных, безжизненных северных пустынях. Умело и бодро овладевают они обширным краем от Онежского озера до Белого моря и по морю до Вайгача. Под их рука-

ми всюду и непрерывно кипит работа, расчищаются леса, заводятся рыбные промыслы, плывут огромные склады строевого леса по озерам и порожистым речкам, рыболовные суда ходят по озерам, рекам и Ледовитому океану, пробираются до Новой Земли и чуть ли не до устьев Оби. Из этих же самых людей огромные партии их постоянно работают на Волге и ее северных притоках. Для потребностей севера они передвигают сюда огромные караваны хлеба с реки-царицы.

Андрей Денисов отвращался от только лишь основанного тогда Петербурга и сам весьма редко появлялся здесь. В Петербурге иногда не хватало съестных припасов, и тогда Андрей Денисов легко снабжал столицу и рыбою с севера, с Онежского озера, и целыми караванами хлеба с Волги.

Весь этот в поте лица трудящийся люд всюду, на плотках, на кораблях, утром и вечером, в положенные часы отправляет уставное чинное богослужение. Свои досуги каждый из людей проводит за книгою. Ни одно собрание, по какому бы поводу оно ни происходило, не обходится без живых бесед на религиозные темы. Всюду идет усиленная работа по изучению догматов веры и уставных обрядов по старым книгам. Большой штат искусных переписчиков Выговской пустыни едва успевает исполнять заказы по изготовлению книг. Из-под их рук выходили книги богослужебные, вероучительные, исторические и даже философские. Отсюда книги развозились по всей России целыми возами, иногда явно, иногда скрытые рыбою или хлебным зерном. В течение полустолетия книг заготовлено было так много, что после разрушения пустыни в середине 17-го века они в большом количестве вывозились отсюда до восьмидесятых годов прошлого столетия.

В такой просвещенной и культурной среде действовали выговские просветители. При таких условиях Андрею Денисову легко было вынесенные им из киевской академии начала образованности передать сравнительно большим народным массам. И без всяких преувеличений можно сказать, что он один сделал больше, чем его бывшие сотоварищи на епископских кафедрах.

Не в пример господствующим, старообрядческая народная масса была широко и глубоко подготовлена к восприятию начал образованности. В этой массе совершенно не нужно было бороться со всеобщим презрением к грамотности, с желанием пребывать в невежестве и неведении, как это приходилось архиереям в епархиях и Петру в дворянстве. Наоборот, вся эта масса с необыкновенным единодушием и чрезвычайною энергией тянулась к книге, к раскрытию, утверждению и обоснованию веры и справедливой жизни. Вся она представляла собой чрезмерно огромную и необыкновенно внимательную аудиторию.

Начала образованности воспринимались свободномыслящим и чувствующим народом старообрядческим. Здесь они подвергались самой основной переработке и претворялись в новое вещество. По этой причине риторизм и схоластика, составлявшие, так сказать, самую душу киевской академии почти до наших дней и перенесенные Андреем Денисовым в старообрядческую письменность, недолго удерживались здесь. Уже при Денисове, отчасти и он сам, выговские писатели переходят к более простому литературному языку и ясному мышлению, не затуманенному схоластическими извилинами. Читая эти сочинения, чувствуешь, что авторы их пережили и риторизм, и схоластическое направление.

Начала образованности в старообрядческой среде не удержались в закристаллизованном виде, как это было в школах господствующих. Они в переработанном виде пошли в самую глубь народного духа, стали достоянием не одной школьной скамьи и не одних ученых, а всего народа, заставляли постоянно трепетать и напрягаться самую народную мысль, более или менее сильно задевали мысль каждого из людей, от юноши до убеленного сединами старца, всю жизнь человека до гробовой доски превратили в сидение на школьной скамье.

Из двух фактов слагается движение старообрядческого просвещения: из постоянной переработки, переоценки основных начал образованности и проникновения их в самую глубь или толщу народной жизни. В старообрядчестве нельзя заметить ни одного такого учения, которое не проникало бы до самых народных глубин и которое возникало бы случайно, в кабинете или каком-либо подобии его. Здесь нет таких образованных людей, которые всем своим существом, всеми силами, мыслями и чувствами не жили бы народной жизнью и мыслью до мельчайших их проявлений. Нет и такого учения, зерна которого не были бы засеяны в самом народе.

Старообрядчество не раз, а тысячи раз всколыхивалось, по-видимому, новыми положениями и новыми учителями. Но эта новизна – только кажущаяся. Учения эти уже давно зрели в народной мысли и временами то там, то здесь вспыхивали более или менее яркими блестками. Учителя эти, нередко прославившиеся как новаторы, имели многих предшественников, часто в лице неизвестных и незаметных людей. Новые учения, даже из тех, которые всколыхивают целые согласия от первого человека до последнего, навсегда воплощаются в книжную жизнь, получают литературную формулировку, чаще они перестраивают все общество от верха до низа, дают ему совершенно новое содержание. Учителя, даже из тех, которые сокрушают старые согласия и основывают новые, не всегда свои учения облачают в книжную форму, чаще они перестраивают общественную жизнь и мысль исключительно устным словом и практической деятельностью, все время живя в народе, в живом соприкосновении со всеми своими сообщественниками.

В старообрядчестве живет, чувствует, мыслит и действует весь народ; юноши и старцы, девушки и женщины, бедные и богатые, – все по своим способностям и силам участвуют в общей жизни, в общем движении, все они воспринимают учения и участвуют в усвоении и переработке их, никто из них не лишен права высказать новую мысль и никто не будет оскорблен невнимательным молчанием только потому, что он бедный или незнатный человек.

НАРОД И СТАРООБРЯДЧЕСТВО

Историк старообрядчества на протяжении двух с половиной веков постоянно наблюдает борьбу между господствующей церковью и старообрядчеством, борьбу – в некоторые моменты кровавую и огненную, часто весьма жестокою и почти всегда хитрую с той и другой стороны. Вместе с этим ему почти вовсе не приходится изучать факты столкновения между чисто народными массами и господствующей и старообрядческою. Даже духовная литература, сравнительно хорошо разработавшая "историю старообрядчества", не подмечает таких явлений, которые свидетельствовали бы о разделении русского народа на два враждебных лагеря, что массы господ-

ствующая и старообрядческая стояли друг против друга в каком-либо подобии кулачного боя.

Московский собор 1666 года постановил наказывать старообрядцев "не только церковным наказанием, но и царским – сиречь градским законом и казнением". На это соборное постановление протопоп Аввакум отвечал: "Чудо! Как-то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить!"

Жестокое постановление не было плодом жестокости нравов тогдашнего времени, как об этом обыкновенно думают. Оно вытекает из глубокого сознания, что именно без "казнения" нельзя провести в народ утвержденные собором церковные реформы, из убеждения, что народ привык жить и веровать несколько иначе, чем предписывается теперь. И Аввакум видел, что между народом и архипастырством возникла распря, и возмущался, что народ подвергается "казнениям". На те пытки и мучения, которым подвергался Аввакум и его сподвижники, они смотрели, как на один обширный замысел против народа. Правы они были или не правы – вопрос совершенно другой, но несомненно, они жили убеждением, что то, чему подвергаются они сами, грозит и всем остальным, всему народу. Они чувствовал себя до того слитно с народом, что готовы были каждую минуту сказать "владыкам архипастырям": "Убирайтесь вы с вашими учениями, с вашим огнем, кнутом и виселицей: вы из чужой земли пришли, а мы одно с народом, одна плоть и одна душа".

В момент появления старообрядчества и народ не усматривал никакой разницы между собою и приверженцами старины. Одни прямо и открыто шли за вождами старообрядчества, другие сочувствовали им втайне. Эти делили свою привязанность к видимому храму с преданностью старой вере: на старую веру они смотрели как на чистое и благодетельное житие, а на новую – как на немощь греховную. (Об этом подробнее в следующей главе).

К новым церковным порядкам даже высшие чины, сами реформаторы, не могли скоро приладиться. Никон, после своего удаления с патриаршего престола, в Новом Иерусалиме печатал церковные книги, представляющие собою буквально смесь старого и нового текстов. Очевидно, у него даже были моменты, когда он находился в раздумье: по какому же пути идти дальше? Через год или два после собора 1667 года, окончательно утвердившего новый обряд, в пасхальную утреню вышел крестный ход из Успенского собора – патриарх, собор, царь и синклит; вышли на паперть и остановились – в какую сторону идти: направо – по-старому, или налево – по-новому?

Но если окончательный поворот к новым порядкам даже среди высшей иерархии определялся медленно, складывался с колебаниями, то что же сказать о народных массах? В них этот самый процесс мог совершиться, смотря по местным условиям, в десятилетия и даже в целые столетия. Медлительность эта свидетельствуется уже тем, что, например, в Саровской пустыни или в московском Успенском соборе церковные порядки так мало похожи на богослужение в приходских храмах и так во многом напоминают седую старину, что и старообрядцу подчас кажутся родными и любезными сердцу. При входе в Успенский собор вам кажется, что вас со всех сторон охватывает воздух московской дореформенной старины, вы чувствуете, что на вас смотрят грозные лики святых, изображенные при царе Грозном или даже раньше него. При представлении здесь, так сказать, в очаге старины обычного при-

ходского храма, невольно возникает мысль, что церковная реформа здесь застыла, остановилась в начале дороги и дальше не пошла. Вы смотрите здесь на святых — могучих, сверхчеловеков, тогда как в приходских храмах они уже давным-давно переделаны в людей обычных, таких же немощных, как и мы сами. Смотря здесь на священнослужителей, можно подумать, что они постоянно видят какие-то грозные призраки, которые руководят их движениями, в приходских же храмах священники уже давно усвоили или властно-барственную осанку, или шаловливо-игривую походку. То, что наблюдается в Успенском соборе, и есть как бы закристаллизованный остаток старины, не уничтоженный реформами и привлекательный для старообрядцев и свято хранимый ими в своих храмах и моленных.

Введение никоновских новшеств в народной церковной жизни подвигалось весьма медленно, а по местам и вовсе застывало, ограничившись самым малым. Это явление подлежит точнейшему и историческому исследованию. До сих пор в этом направлении почти ничего не сделано. Ученые миссионерской школы усерднейшим образом замалчивали самый факт, другие исследователи, имея дело со старообрядческой средой в собственном смысле, не обращали внимания на историю церковной жизни в приходских храмах господствующего исповедания, а потому и не наталкивались на соответствующие факты указанного сейчас общего явления. Размеры статьи позволяют нам привести только два-три факта.

Около половины 18-го столетия в одном из московских уездов в глухом лесу местные власти неожиданно нашли вполне оборудованный монастырь-скит. Монастырь этот существовал уже несколько десятков лет. Первоначально здесь поселились три старца, затем у них появились ученики строгой подвижнической жизни. Окрестные жители усердно посещали их, снабжая всем необходимым. Ко времени находки монастыря властями оказалось, что жителей в нем уже почти не было, старцы-основатели скончались значительно раньше, а оставшиеся несколько человек только охраняли могилы этих основателей и поддерживали на них неугасимый огонь.

Открытие монастыря произошло по следующему поводу. В течение нескольких лет в народе сильно распространялся слух о святости старцев, нетленности их тел и исходящих от них чудотворениях. Возникло дело под общим руководством московской синодальной конторы. Оказалось следующее. Никакой постоянной, ежедневной службы в монастыре не совершалось, хотя и имелась небольшая деревянная церковь. Народ же стекался сюда во множестве; в дни кончины старцев образовывался целый лагерь из сотен телег и тысяч людей. Некоторые приезжали сюда со своими приходскими священниками. Появлялись здесь и безместные священники и служили панихиды и молебны для всех желающих. Все это бывало и при жизни старцев. Не имея в своем монастыре священников, они приглашали таковых со стороны, или из ближайших приходов, или из заштатных.

Во всем этом духовные власти заподозрили что-то недоброе, и в монастыре был произведен тщательный обыск. Все книги оказались старопечатными; по ним совершалось и богослужение. Старожилы показали, что старцы, приглашая к себе на праздничные дни священников, ставили условием совершать службу по-старому; священники от этого не отказывались, принимали только меры к тому, чтобы не было огласки всему этому. Наличие старых книг решила судьбу монастыря: все

здания были разрушены, тела же старцев, оказавшиеся нетленными, были извлечены из могил и преданы сожжению; полицейским властям было предписано, чтобы народ не допускался на это место.

В этом случае необыкновенно ярко обрисовывается такое явление. Несомненно, господствующего исповедания люди, нисколько не гнушающиеся господствующего священства, по каким-то побуждениям, желают служить Богу по старопечатным книгам и для этого находят охотников из среды духовенства. И все это происходит почти через сто лет после никоновских реформ. Очевидно, что в умы всех этих людей, не исключая даже и духовных лиц, реформы еще не впитались, духовно не дошли до них. Власти, — да, они готовы на всякую жестокость, даже на грубое святотатство, чтобы ввести новую книгу в народную церковную жизнь, но сам-то народ вместе со своим приходским духовенством смотрит на все иначе: старая книга для него не утратила своей святости, а новая не привилась к нему, не приобрела в его глазах духовной красоты. Народ даже не понимает усердия властей навязать ему новую книгу, не видит причин из-за старой книги бежать от церкви, от священства, молчаливо, энергично держится за старую книгу и добивается того, что духовенство секретно от высших властей служит для него по-старому. Вот другой факт. На родине пишущего эти строки церковные реформы не привились до конца шестидесятых годов прошлого столетия. Троеперстие здесь совсем не в обычае. Все крестные ходы совершались посолонь до 1867 года.

Великим постом этого года старый, необыкновенно скромный, малоученый священник, прослуживший здесь очень долгое время, перевелся в другой приход. Поступил молодой, энергичный, семинарист, необыкновенно даровитый, говоривший по-латыни почти как на родном языке. Приехал он на страстной неделе. Почти самую первую службу ему пришлось совершать с выносом плащаницы.

Пошел крестный ход с плащаницей. Прямо с паперти народ весь, как один человек, повалил посолонь. Священник с дьячком и с плащаницей поворотили по новому уставу, против солнца. У алтаря встретились; батюшка зычно обругал свою новую паству. Разошлись: последовать за батюшкою из народа не оказалось ни одного человека. Далее второй и третий обход; встречались у алтаря, батюшка обругается, и снова разойдутся.

Наступила пасхальная утренья. Крестный ход. Народ с хоругвями и иконами идет по солнцу, батюшка с крестом против солнца; только один дьячок уныло шествует за ним. У алтаря встреча. Возмущенный пастырь, высоко поднимает крест, становится на дороге, не пропускает народ и обрушивается на паству самым отборным площадным приветствием. Народ проходит мимо и пастырскую брань заглушает пением положенных песнопений. То же при следующих обходах; батюшка лишь в большую и большую приходит ярость; его голос звучит громче, энергичнее, а бранные слова уснащаются новыми. Во время пения пасхального канона священник приходит в иступление. Ходя с кадиллом по рядам прихожан он приветствует паству не словами "Христос воскрес", а рычанием и непередаваемыми выражениями. Не выдержал и приход. Тотчас после обедни, не расходясь по домам, прямо из церкви, был созван сход, и единогласно, без всяких возражений решили: священника со святыней никуда не пускать. Отдохнул батюшка после мытарственной службы и пошел по приходу. Все село как бы вымерло; ни одна дверь, ни одно окошко не от-

ворились на батюшкин стук. Двинулся в соседнюю приписную деревню, там то же самое; приняли только на одном барском дворе, да и то с какими-то недобрыми улыбками. После полудня улицы села оживились праздничною толпою, зазвонили колокола. Батюшка вновь двигается по приходу. Но только лишь показался с крылечка, все село разом опустело: все заперлись и попрятались. Ушел батюшка в дом — на улицах появился народ. Еще раз делает попытку пойти со святыней — все торопливо разбегаются и запираются. Думал-думал батюшка и полез на колокольню, отвязал у колоколов языки, снес их в церковь и запер. — "Оставайтесь православные, в такие дни без звона". — Приход видит, что дело худо, что оставаться без звона позорно. Начали мирные переговоры; только к четвергу окончились они; батюшка выдал колокольные языки, прихожане согласились пустить его со святыней, но при этом выговорили, что особо нежелающие могут и не принимать его. Половина села приняла священника, а другая — нет, выслали ему лишь установленную при этих переговорах плату.

С этих пор здесь быстро пошло распространяться старообрядчество, и до сих пор приходская жизнь не может наладиться, войти в свою норму.

Вот третий факт. Всего лет шесть-семь назад один москвич очень известной фамилии путешествовал по Олонецкой губернии. Обозревал больше всего храмы. В одном храме он нашел старопечатные патриаршие книги, хорошо сохранившиеся. Попросил осмотреть всю церковь, — ни одной новопечатной книги. Вопрос священнику, что это значит. "Да что, — отвечал священник, — так исстари ведется. Приход наш бедный; когда вводились новые книги, не было денег на их покупку". В архиве сохранилась целая переписка священников с властями. Власти требовали новые книги, священники один за другим отписывались, что пока денег нет, и как только можно будет, так выпишут. "Так и тянулось время, затем оставили нас в покое. Так по-прежнему и служим, и теперь на новые книги денег нет; бережно обращаемся с этими старыми: истреплем их, помилуй Бог; никаких не будет".

Таковы факты, положим, единичные. Но сколько их по всей-то России? Все эти факты свидетельствуют, что реформа, задуманная Никоном патриархом и как бы законченная собором 1667 года, на самом-то деле, в полном виде, не привилась к народу даже до сих пор, даже не только к народу, но и к храмам, к приходской народной жизни, к самим священникам. Очевидно, что в самой толще народной до сих пор живо и действительно начало старообрядческое. Это явление имеет огромную ценность при выяснении общей сущности, общего смысла старообрядчества.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО КАК ОСНОВА ГОСПОДСТВУЮЩЕГО ИСПОВЕДАНИЯ

Старообрядчество далеко не ограничивается группой тех людей, которые числятся старообрядцами, сами себя сознают таковыми и принадлежат к определенным сформированным старообрядческим согласиям. Оно значительно шире и огромнее этих согласий; оно входит в господствующую церковь как ее неотъемлемая часть. Ниже мы увидим, что это входящее в господствующую церковь старообрядчество и является в ней наиболее деятельною и одухотворенною, сознательною частью. Увидим также, что все эти добрые качества эта часть основывает и развивает на почве

старообрядческой, на его началах, хотя церковные власти вовсе не признают этого и хотя сама эта часть лишь смутно и только в отдельных лицах подозревает свою связь со старообрядчеством.

В данном случае мы вовсе не имеем в виду ни единоверцев, ни тех старообрядцев, которые лишь случайно и принужденно числятся "православными". Не обращаем внимания и на грубую неточность, допущенную в народных переписях и касающуюся численного состава старообрядцев. В этой переписи фигурировали две графы: "православные" и "старообрядцы". Старообрядцы остановились перед этими графами в недоумении: по своему собственному убеждению они православные, и это наименование для них более привлекательно, чем просто старообрядцев; на этом основании многие из них, даже рожденные в старообрядчестве и ни единою мыслию от него не отступающие, записывались православными. Отсюда народная перепись 1897 года дала сравнительно малое количество старообрядцев к утешению миссионеров.

Не принимаем в расчет и тех старообрядцев, которые усвоили обычай крестить детей и венчаться в храмах господствующих. Таковы по преимуществу "нетовцы", такого же обычая придерживаются и многие другие беспоповцы, особенно по отдельным местностям: например, до самого последнего времени феоносиевцы в Боровском уезде почти сплошь крестили детей и венчались в господствующих храмах. Не указываем и на огромное количество старообрядцев совершенно особого типа в северных губерниях. Во многих местностях, едва ли даже не повсюду, здесь существует такой обычай. Крещение и венчание совершают у господствующего духовенства, иногда некоторые ходят в церковь на исповедь и к причастию. Но ни в общем, ни в частном никакой приверженности к церкви не выказывают; нет также и знания и быта в смысле старообрядческом, заметны только какие-то неопределенные и нередко до неузнаваемости искаженные сколки с учений старообрядческих, — сколки, уместяющиеся в необыкновенном уважении к старой книге, которую весьма немногие видят, и к старой вере, о которой очень мало знают. Таков здесь общий остов церковной жизни. В известные годы, обыкновенно когда семья уже устроена, люди уходят здесь вовсе от жизни. Ставят отдельную крошечную келью или устраивают глухой каменный чуланчик в доме и запираются до самой смерти. Перед этим многие принимают крещение от какого-либо беспоповца и затем всю остальную жизнь, часто очень долгие годы, проводят взаперти, без всякого общения с людьми, кроме ближайших родственников, которые подают им необходимую пищу. Люди грамотные это молчаливое суровое богомыслие скрашивают чтением слова Божия. Никакая официальная статистика здесь старообрядчества не откроет, и к самому старообрядчеству люди принадлежат только с более или менее престарелых лет, до этого же они в религиозном отношении почти ничто, их мирская деятельная жизнь не скрашивается никакими религиозными порывами и красотами.

Говоря о старообрядчестве в господствующем исповедании, мы, повторяем, вовсе не подразумеваем сейчас перечисленных старообрядцев. Все они случайно или не случайно подкрепляют число "православных" по официальным статистическим сведениям, но никто из них не принадлежит господствующей церкви ни духом, ни жизнью, во всех них старообрядческое начало сказывается ярко, жизненно, хотя в более или менее извращенном и затуманенном виде. Наша речь не об этих полуяв-

ных или прямо тайных старообрядцах, а о здоровой и жизненной части господствующего исповедания.

35 лет назад Н.Н.Гиляров-Платонов высказал мысль, что в старообрядчестве слышится православие. Признаем всю глубину этой мысли и видим непреодолимые основания вывернуть ее наизнанку: в православии (т.е. господствующем исповедании) слышится старообрядчество, оно-то именно и дает жизненные силы всему исповеданию и предохраняет в смысле религиозном и в смысле историческом.

Обратим внимание на святость Московского Кремля, в смысле религиозном и в смысле историческом. Поставим вопрос прямо, ребром: никоновские реформы имеют ли какое-либо, хотя бы самое отдаленное, место в общем и частном представлении или созерцании святости Кремля?

Это представление сказывает о целой очень длинной истории, а в ней и о православии на главнейшем месте. Сюда вмещаются великие имена великих святых деятелей и создателей православия: Петр, Алексей, Иона, Филипп. Вслед за этими именами вспоминаются и другие имена, хотя и меньших, но все же великих лиц. Рядом с именами приходят на память и целые рои событий; русский народ во времена давно прошедшие здесь обнаруживает крепость, несокрушимую мощь своей веры, как в минуты государственных торжеств, так и в моменты народных и государственных бедствий, тогда же и здесь же русский народ вместе со своими святителями являлся единою нераздельною паствою перед Богом, а вместе с князьями и царями единым народом перед миром.

Никоновские реформы, хотя они происходили здесь именно, вот на этом месте, хотя они провозглашались с никогда небывалою в Кремле помпезностью, вовсе не вмещаются в рою этих воспоминаний, слагающих в душе русского представление о святости Кремля. Этих реформ нет в ряду этих воспоминаний. Придет ли в голову какому-нибудь православному богомольцу в Успенском соборе вспомнить, что вот с этого амвона, наполненного в блестящих облачениях патриархами и освященным собором, перед лицом царя и народа 250 лет назад раздались проклятия на крестьящихся двуперстием? Придет ли такое воспоминание в какую-либо голову? Прежде всего нет: ведь вся эта святость сложилась раньше Никона, выразилась в такой духовной мощи, что уже никакие силы к ней прибавить ничего не могут. Да если это представление случайно и возникнет, то в мысли самого православного, глубочайшим образом преданного церкви, произведет ли оно какое-либо хотя бы самое малейшее духовное умиление? Нет. Головою можно поручиться, что ни в одном сердце, как бы оно православно ни было, это видение не вызовет чувства или мысли: вот святое событие, умножившее святость и собора и Кремля. Представление о встрече Грозного с митрополитом Филиппом вызывает именно чувство о святости события, еще раз освятившего это место, это святое святых. Но представление об этих проклятиях вызовет по меньшей мере мысль: было бы лучше, если бы вместо этих торжественнейших проклятий, патриархи и освященный собор вели себя поскромнее, смиреннее.

Думаем, что не ошибемся, если скажем: любой архиерей из современных согласился бы повторить любое из деяний великих святителей, произнести любую из сказанных ими здесь речей, отслужить по их служебнику, в их облачении, с их посохом, выслушать двойное аллилуйя, как они сами слушали и произносили, пере-

креститься двуперстно, как крестились они. Почувствует ли кто во всем этом какой-либо зазор, какую-либо погрешность? Едва ли, — если бы кто и уклонился от этого, то во всяком случае не из чувства в чем-либо погрешить в этом подражании великим святым, а из других посторонних соображений. Но согласится ли кто из них, из современных архиереев, повторить все то, что было сделано тогда, в момент этого проклятия, покоробившего всю русскую землю? Согласится ли проделать все это еще раз даже собор всех русских епископов? Есть ли малейшая возможность, малейшее духовное побуждение к следующему: вот все русские епископы собрались в Успенском соборе, вот все они вышли из алтаря в священных облачениях, разместились на амвоне и солее и начали произносить проклятия, точь-в-точь, слово в слово как это было при Никоне патриархе? У кого из архиереев хватит на это решимости, мужества, у кого повернется язык повторить сказанные тогда слова? Легко согласятся они и соборно и отдельно, просто ради воспоминания о важнейших церковных событиях глубочайшей древности, повторить любое из анафематствований, произнесенных вселенскими и поместными соборами и отдельными отцами церкви. Это было бы не только красиво, торжественно, но и, в смысле оживления церковной жизни, имело бы весьма существенное значение. Но проклятия, произнесенные при патриархе Никоне, неповторяемы, и решительно нельзя представить последствий, если бы это повторение по какому-либо случаю произошло.

Не говорим мы о смысле клятв, не касаемся вопроса, на кого и как они положены. Указываем только на то, что их произнесение ни в ком не возбуждает чувства святости, ни в чьих глазах не умножили они значения и святости Кремля. Все это в одинаковой степени относится и к собору 1666-1667 годов. Какого бы суждения ни держались о Стоглавом соборе, однако никому не придет в голову лишить его значения, утверждать, что он не содействовал упрочению святости Кремля в глазах народных, росту веры народной: общение царя с народом, единство пастырей и паствы — таковы плоды, таков смысл Стоглавого собора; а в этом не могут не выражаться лучшие моменты русской истории и государственной и церковной. Даже при самых сильных натяжках нельзя приписать такое же значение собору 1666-1667 годов.

Народная и государственная история Кремля еще продолжается, но церковная закончилась давно, раньше патриарха Никона. Его реформы ни одного камня не внесли в это общее здание, и ни на одну иоту не увеличили его значения. В Кремле русский человек чувствует себя в области той веры, того религиозного быта, что были раньше Никона, и о деяниях последнего скорее старается забыть, чем вспомнить, иначе по самому существу чувствует себя старообрядцем,

Вот в этом чувстве нужно искать и оснований для оценки так называемых исправлений, совершенных при патриархе Никоне. Все признают и свято чтут дело святых Кирилла и Мефодия, Ольги и Владимира и других. Идет ли в какое-либо сравнение с этим дело Никона? А ведь оно по замыслу, по помпе, с какою совершенно, по упорству, с каким проводилось и до сих пор защищается, должно бы найти для себя место среди главнейших, плодотворнейших и святых событий на земле русской. Вера не права, церковные чины искажены, книги испорчены, — с такою мыслию Никон приступал к реформам, с такою же мыслию эта реформа была принята. Судя по этому, следовало бы ожидать, что в мысли православных должно бы быть сознание: до Никона русский народ был в заблуждении, погрешал в вере и

церковной жизни, а при Никоне истина воссияла, вера процвела; он совершил великое и святое дело, без которого народ пребывал бы во тьме и религиозном невежестве. Такое сознание должно бы быть. Но его нет ни в простом народе, ни в высших чинах. Ни в ком, разумею православных, нет признания святости в деле Никона. При представлении о прошедших событиях церкви, человеку свойственно, перешагнув через реформы Никона патриарха, прильнуть умом и душою к Петру, Филиппу..., к этим несомненным двуперстникам, и в единстве с ними искать опоры в своей религиозной жизни. Мимо этих реформ, присоединимся к предшествующим святителям, – таково общее чувство русского человека, чувство, создающее и возгревающее веру и деятельность.

Так, в самых глубочайших основаниях веры нет места для никоновских реформ. Самая мысль об этих реформах с корнем вырывается из тайников верующего сердца. Вера Петра, Алексия, Ионы, Филиппа – вот существеннейшее основание веры каждого из русских. Именно на этой вере, как на незыблемом камне, зиждется церковная жизнь всего многомиллионного русского народа. Выньте это основание и все здание русской исторической церкви развалится и рассыплется прахом. И чувство каждому свидетельствует, что никоновские реформы в это основание вовсе не входят; они не что иное, как покрывало на церковном здании, проржавленная в глазах старообрядца и позолоченная в глазах миссионера.

Разберитесь в тайниках души "православного", очистите ее от всего наносного, случайного и временного – перед вами окажется старообрядец чистой воды.

О НАЧАЛЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Весьма трудно определить начало, скажем так, церковного перелома, иначе начало старообрядчества и начало господствующего исповедания. Должны сделать две оговорки.

Имеем в виду не хронологическую дату, не год и не месяц, а смысл или самую сущность изначального момента того, что мы сейчас только назвали церковным переломом. Говорим также не о происхождении старообрядчества, не о первом дне отделения старообрядчества от господствующего исповедания.

В ученых рассуждениях, на миссионерских беседах и даже в частном обиходе принято говорить о происхождении старообрядчества, его времени и причинах. При этом сама собою получает некоторое господство такая мысль: "Существовала церковь единая, неделимая, без всяких расколов и раздоров, вдруг, по тем или другим причинам, некоторая часть от этой церкви отделилась и образовала старообрядчество". Такое представление по меньшей мере односторонне, узко, не охватывает всего явления. Если позволительно говорить о времени и причинах происхождения старообрядчества, то еще большее право имеет вопрос: какое именно и когда произошло событие в самой церкви, событие, побудившее очень многих отделиться от нее, толкнувшее их, так сказать, на путь раскола? Этот вопрос яснее выражается так: когда образовалось господствующее исповедание и какие причины способствовали этому?

Вопрос о происхождении старообрядчества всегда ставится неправильно. В основу исследуемого явления кладется тот момент, когда старообрядцы сказали: да,

мы отделяемся от церкви, точнее, от тех властей, которые стоят во главе ее. Этому моменту необходимо должен был предшествовать какой-нибудь другой момент, какое-нибудь другое событие в самой церкви, которое побудило доселе и всегда верующих и преданных церкви и иерархии людей сказать: явилась новая церковь, необходимо отделиться от нее.

В отличие от всех отделявшихся от церкви и раньше и после, старообрядцы сами в себе не имели никаких причин, ни поводов к отделению. Какой бы раскол, какую бы ересь мы ни взяли, всюду легко отыскать целый ряд предшествующих явлений, которые постепенно, изо дня в день, на протяжении целых лет, даже десятков и сотен лет, выращивали семена раздора, подготавливали деятелей и, наконец, завершались открытым мятежом. Пусть эти подготовительные явления происходили в самой церкви, пусть в них были повинны и сами церковные власти, – все же в них ярко выражается неправославное, противоцерковное направление человеческой мысли, и чем ближе ко времени открытия раздора, тем яснее и яснее. От древнего Ария до новейшего Толстого все еретики и раскольники имели своих предшественников. Таков естественный порядок возникновения и расцвета ересей и расколов.

Ничего подобного при самом тщательном исследовании нельзя отыскать в самом первом старообрядчестве. Даже ученые господствующей церкви при всем своем желании не могут поставить возникновение старообрядчества на такую определенную и ясную историческую почву. Признавая старообрядчество за раскол, т.е. за погрешительное отделение от непогрешительной и непорочной Церкви, эти ученые однако не могут указать предшественников этого раздора и явлений, способствовавших его возникновению, точнее – не могут указать зародышей раскола во времена предшествующие. Говорим именно о зародышах раскола, о первых семенах противления церкви.

Правда, этих указаний, по-видимому, весьма много, даже более чем достаточно. Но эти указания не достигают той цели, с какою делаются, и ни о каких семенах противления церкви не свидетельствуют.

Укажут ли на старопечатные книги, на обряды, обычаи и весь церковной быт, господствовавшие в московской церкви до Никона патриарха... Но разве во всем этом есть какие-либо семена, способные породить церковный раскол? Разве все это не было вполне здоровыми явлениями действительной церковной жизни, высокой и цветущей? Восьмиконечный крест, двуперстное сложение, сугубая аллилуия и т.д. Все это было и действовало; все это не хранилось под спудом, как зародыши будущего раскола; все это обнаруживалось не случайно и временно, как первые проблески церковного противления, а было выражением самой церковной жизни, ее цветом господствующим, всем народом почитаемым и свято хранимым.

Укажут ли на Стоглавый собор, утвердивший двуперстие. Но разве в Стоглавом соборе можно найти какие-либо зародыши церковного раскола?

Во-первых, во всем своем объеме он явился расцветом русской церковной жизни на протяжении нескольких столетий, он содействовал подъему этой жизни, ее очищению от многих пороков и недостатков. Ни до него, ни после в истории русской церкви не было таких напряжений к обновлению церковному, не было другого такого момента, когда бы русская церковь сияла таким блеском, такую духовную мощью и красотой.

О Стоглавом соборе должно сказать то же самое, что о его председателе и руководителе митрополите Макарии. А о нем знаменитый в наше время историк русской церкви Е.Е.Голубинский отозвался так: "Своим великим замыслом совершить, возможно, полное обновление русской церкви, так, чтобы последняя во всем объеме ее жизни была очищена от всех недостатков и пороков, Макарий занимает совершенно выдающееся положение между всеми высшими пастырями русской церкви, бывшими прежде него и после него, как исключительно знаменитый между всеми ими". Как бы ни отзывались о Стоглавом соборе, – собор ли 1666-1667 годов, или новейшие миссионеры, как бы ни считали его погрешительным, во всяком случае он сам по себе выше этих критиков, и от него никто не в силах отнять то, что он действительно является славою русской церкви, славою, далеко не поблекшею до наших дней. Позволительно даже сказать, что будущий собор господствующей церкви должен начать с того, на чем остановился Стоглавый собор и, минуя тем или другим образом собор 1666-1667 годов обязан ради блага церкви и народа явиться достойным преемником Стоглавого собора. Какие же семена раскола можно усмотреть в общих деяниях и постановлениях Стоглавого собора?

Во-вторых, Стоглавый собор утвердил двуперстие, разве он не основывался на всей предшествующей многовековой истории церкви? Разве не двуперстие было господствующим столетия до него на русской земле? Разве кто-либо из современных ученых сможет ограничить историческое бытие двуперстия определенным или неопределенным указанием, что глубочайшая христианская древность его не знала?

Стоглавый собор утвердил то, что уже века до него было господствующим, непререкаемым, святым, что казалось и на самом деле было цветом церковной жизни, без чего невозможно было самое прикосновение к церкви, что способствовало иногда удивительно высокому развитию духа человеческого. Не крест ли восьмиконечный охранял русскую церковь от католичества? Не двуперстным ли сложением осеняли себя в своих великих подвигах все святые земли русской?

Церковная жизнь, как и жизнь вообще, выражается мелкими, иногда едва уловимыми чертами, но эти незаметные черты, эти микроскопические штрихи слагаются в правильное, отчетливое, легко читаемое очертание, в один удивительно сложный и возвышенно жизненный организм – тело. Не только вероучение, как непреложная истина, но даже едва уловимая форма букв, которыми переписано изложение этого вероучения, свидетельствует о вере, о духовно-нравственном проникновении в веру. Не только богослужебная книга, но и обращение с нею или как с предметом святым, или как с обыкновенным служит показателем смысла и силы богослужения. Не только обряд, но и едва уловимое движение при его совершении является символом веры.

Со всех этих сторон, да и вообще во всех отношениях жизнь русской церкви еще задолго до Никона патриарха сложилась в величественное одухотворенное тело. В течение столетий являлись святые великие подвижники веры и народности и складывались уставы, предания, обряды, обычаи; росли и крепились мысль и чувство, свидетельствующие о сохранности Христовой веры в чистоте и неприкосновенности; воспитывалась единая народная верующая душа.

Можно ли в этой народной душе искать каких-либо зародышей раскола? Нет, и на это никто дерзнуть не осмелится, кто верует, что и до Никона патриарха на Ру-

си была святая непорочная Христова Церковь, что народ был предан чистой вере, что он созидался в великий храм Духа Святого. Этой вере, этой Церкви старообрядцы никогда не были изменниками. Все то, на защиту чего они восстали, было освящено самою Церковью и засвидетельствовано великими святыми, одухотворено народной мыслью.

Возьмем ли епископа Павла или протопопа Аввакума или других, – никто из них не внес ни единой мысли, ни одного чувства, которые не были бы освящены всею жизнью русской церкви, которые не были бы в церкви господствующими и в народе жизненными. Все их доказательства, все убеждения сводились к одному: "вернитесь к тому, что было в церкви вчера, год назад, столетия, что ею освящено и признано, в чем выразилась и из чего сложилась ее собственная жизнь, во что до вчерашнего дня, до этих новшеств, веровал весь народ".

Таким образом, исчезает самая возможность вопроса о начале происхождения старообрядчества. Не при Никоне патриархе оно возникло и окрепло, а раньше его, так что изначальный момент старообрядчества должен быть отодвинут в глубь веков, он простирается в страшную историческую даль, доходит до самых цветущих времен восточной церкви и апостольского века. Раньше же Никона старообрядчество развивалось в удивительно пышный цвет, оно торжествовало на Стоглавом соборе, его исконным представителем является митрополит Макарий, его исповедовали и князья, и цари московские, и целые сонмы русских святых, оно именно было господствующим исповеданием на русской земле до Никона патриарха, воспитавшегося в нем же и имевшего силу изменить ему. При Никоне патриархе старообрядчество не началось, не зародилось, а было смещено, заменено чем-то иным, новым, старообрядчество же раскидано было по всей русской земле. То, что обыкновенно называют старообрядчеством, или расколом, в сущности есть не что иное как часть некогда великой и цветущей церкви, искони живой, растущей, одухотворенной.

Можно говорить не о причинах происхождения старообрядчества, а о причинах разделения древней старообрядческой церкви, о причинах сохранения ее духа в народе русском, о причинах необыкновенной живучести и силы этого духа, о причинах и свойствах церковного перелома, совершившегося при патриархе Никоне, и безжизненности, полной неудачности при всем видимом блеске этого перелома.

НАЧАЛО ПЕРЕЛОМА

В жизнеописании патриарха Никона есть одно небольшое, но очень характерное и необычайно важное по своему смыслу сказание.

Патриарх рассматривал грамоту вселенских патриархов об утверждении в России патриаршества. В ней имеется символ веры на греческом языке. При помощи ли переводчика или собственными усилиями Никон нашел, что в этом символе, в 8-м члене, нет слова "истинного". По рассказу бытописателя, патриарх глубоко задумался над этим фактом и воскликнул:

— Даже священный символ веры испорчен у нас!

Тотчас же патриарху доложили, что такой же символ вышитыми буквами есть на древнейшем саккосе патриарха Фотия. Никон немедленно же пошел осмотреть

этот саккос и здесь в символе веры не нашел слова "истинного". И он заплакал самыми горькими слезами и, попеременно с горькими рыданиями, восклицал:

— Погибла вера! Погибла церковь! Испорчены Божественные догматы!

Насколько этот рассказ верен, разбираться не будем. Сомневаться в его общей, так сказать, схемной достоверности нет оснований. Рассказ имеет современное Никону происхождение и приписан определенному лицу, одному из его приближенных. Он колоритен, так что едва ли может быть плодом фантастического воображения. Защитниками Никона он подчеркивается особенным образом и ставится в прямую связь с последующими реформами. Замысел о реформах и то необыкновенное усердие Никона, с каким он приступил к этим реформам и проводил их, выводятся из этого случая с патриархом. В самом случае склонны увидеть чудо, толкнувшее Никона на путь реформ.

В самом факте осмотра Никонем символа веры в патриаршей грамоте и на саккосе Фотия нет ничего невероятного или удивительного. Нельзя также предположить, что он первый натолкнулся на эти символы, что до него из русских никто не знал их. Было бы прямо неестественно, что за целые столетия нахождения в Москве фотиевского саккоса на него никто не обращал никакого внимания и никто не разбирали вышитого на нем символа веры, что власти ни разу не полюбопытствовали допытаться, простые ли узоры вышиты здесь или же священные решения. Еще более неестественно предполагать, что важнейшая патриаршая грамота, имеющая огромное практическое и юридическое значение, в Москве не была прочитана и переведена, а только положена, как вещь ненужная и с неизвестным содержанием и назначением. Такой невнимательности как к фотиевскому саккосу, так и к патриаршей грамоте не могло быть; к тому же разбор обоих этих документов не представлял собою серьезных технических затруднений по недостатку знающих греческий язык. Правда, такие лица в те времена не были в таком большом числе, как теперь, но они все же были и никогда не переводились: об этом свидетельствует постоянный рост переводной с греческого языка литературы и постоянные сношения русских с греками, сношения официальные и народные.

Никон увидал греческий символ просто и естественно, как видали его и читали другие русские раньше его. Греческая редакция Символа не производила на этих русских никакого особенного впечатления. Никому из них и в голову не могло прийти, что слово "истинного" в Символе излишне, что оно вносит новую, хотя бы и микроскопически малую, черточку в учение о Духе Святом, что вселенские соборы и все греки не мыслят о Нем, как о Господе истинном. Небезызвестно им было и то, что в греческом символе понятие о Духе Святом определяется одним словом, как о Господе и как об истинном, что это слово "хориос" на русский язык может быть переведено и через "Господь" и через "истинный", что такие переводы, с одним из этих выражений, и существовали. Оба эти перевода казались недостаточными, не выражающими вполне существеннейшую мысль самого греческого символа, что эта мысль точнейшим образом передается через употребление обоих понятий, соответствующих греческому "хориос".

На указанном сейчас основании русские молчаливо относились к некоторому различию символов русского и греческого; даже больше, в этом различии они — и справедливо — видели точнейшее сходство между ними, чего не могло бы быть

при сохранении арифметического счета отдельных выражений в обоих символах: для них была важна не эта арифметика, а существеннейшая мысль самого учения. Собственно говоря, Никон никакого открытия не сделал, узнав, что в греческом символе нет слова "истинного": об этом давным-давно известно было до него. Но это знание, как уже было сказано, не производило никакого впечатления. В Никоне же оно произвело какую-то бурю, допустим даже, настоящую духовную тревогу за целостность и неповрежденность русского православия.

В общих чертах эта психология Никона обща нам, русским, даже до сих пор. Обычно в нашей жизни, особенно среди ученого класса, следующее явление. Люди, мытарящиеся по книгам, или и без книжной мудрости вдумчивые, но не обогащенные серьезными знаниями, непривычные к документальным исследованиям, наталкиваются на какую-нибудь мысль, хотя и оригинальную, но не в разработанной форме. Сама-то эта мысль в других источниках зачастую развита до окончательного совершенства, но до этих людей она дошла в виде первичном, несовершенном. Чутье подсказывает им, что в этой мысли есть что-то особенное, важное, глубокое, незнание или даже прямое невежество скрывает от них дальнейшее развитие мысли, ее совершенные формы. И люди возлагают на себя работу хотя и интересную, но решительно не нужную, потому что она уже выполнена ранее их другими. Короче, идут открывать Америку, уже давным-давно открытую, стремятся к славе, справедливо принадлежащей другим и уже давно заслуженной ими, обуреваются гордостью за открытие, уже давно ставшее известным многим и многим.

Патриарх Никон возмнил себя именно сделавшим необыкновенно важное открытие. Душа его задышала гордостью и самомнением, воля сразу получила определенное направление во что бы то ни стало ввести в жизнь церкви сделанное им открытие, получить славу великого очистителя и возобновителя церкви. Незнание истории отечественной церкви позволяло ему поставить себя в среде величайших отцов церкви, насадителей православия на русской земле. Благодаря своему невежеству он не знал ни истории перевода символа веры на русский язык, ни того, что прежде его бывшие церковные мыслители, деятели и святители вложили глубочайшее понимание веры в дело этого перевода и самое это дело поставили в один из величайших фактов русской церковной мысли и жизни. По своему незнанию Никон, быть может, даже и не подозревал того, что русские еще задолго до него в совершенстве знали греческий символ веры и неоднократно трепетали в своей мысли и в своем святом желании перевести этот символ веры на родной язык с сохранением всех, даже мельчайших, изгибов богословской мысли, вложенной в символ подлинный, греческий, и в конце концов принять определенное чтение со словом "истинного".

Незнание отечественной церкви позволило патриарху Никону возмнить себя величайшим "открывателем" и сразу же толкнуло его на путь ломки и реформ. Ломка казалась ему делом легким, потому что он не знал, что малейшее звено, осужденное им на разрушение, является плодом великой и трепетной мысли, а не есть простая случайность. На путь реформ он вступал не только легко, но и со всею горячностью своего от самой природы необыкновенно горделивого духа: с одной стороны, по своему невежеству он позади себя, в глубине времен, не видел истории церкви и не подозревал величия духа, создавшего эту историю, с другой стороны, по своему са-

момнению, он возомнил себя подлинным основателем русской церкви, историческое бытие которой он отрицал, а восьмисотлетней жизни не знал.

Вот именно эта, сейчас отмеченная психология патриарха Никона и сказалась с необыкновенною ясностью в его приведенном выше восклицании: "Погибла вера. Погибла церковь. Испорчены Божественные догматы!"

В этом восклицании глубочайшим образом выразилось отношение патриарха Никона и всех последующих реформаторов к церкви предшествующей, дониконовской. Возьмем ли патриарха Никона, или собор 1666-1667 годов, или деятеля времен позднейших, – во всех и во всем мы неизбежно сталкиваемся с этим необыкновенно презрительным отношением к русской церкви в ее славнейшие времена, в лета ее мира и духовного роста. Не отрицается здесь государственное значение той церкви, связь и единство пастырей с пасомыми, преданность народа вере, его послушность духовным вождям. Но при всем этом сама-то церковь, во всем ее духовном объеме, мыслится не то что погрешительною в каких-либо частностях, а прямо несовершенною сверху донизу, представляется какою-то темною полосой, без жизни, без истории, в собственном церковном смысле.

Возьмите патриарха Никона и последующих за ним, никто из них и ни в каких отношениях не хотел даже справиться о том, что было и действовало раньше Никона. Возьмите любое изложение церковной истории, из тех, которым обучаются в семинариях и академиях, – от времен Стоглавого собора до Никона, – вы встретите здесь нанизывание одной погрешности на другую, так что вся жизнь церкви представляется, по этим изложениям, одною сплошною неимоверно злокачественною язвою. Эти изложения, эти учебники как будто хотят на весь мир крикнуть: это было не действие Духа благодати, а духа тьмы и греха, церковь же воссияла только со времен Никона, вот с тех самых слов его: погибла вера!

Момент произнесения этих слов и есть действительный изначальный момент новой церковной истории. Не в словах и действиях протопопы Аввакума нужно искать начала церковного перелома, разделившего церковь на две половины – старую и новую. Даже не в книжных реформах патриарха Никона корень этого перелома, а в этих словах: "погибла вера, погибла церковь", в духе, их произнесшем.

Нужно вникнуть в глубину этого момента, когда сам предстоятель церкви, верховный руководитель ее видимою жизнью, встал, выпрямился во весь свой богатырский рост, облекся, так сказать, силою своей духовной иерархической мощи и произнес: "погибла вера, погибла церковь". Что же, спрашивается, осталось от него самого: разве он не сын этой, по его гордому мнению, погибшей церкви, разве не от нее он получил все свои священные достоинства, разве не эта церковь благословила его быть патриархом, и разве не она облекла его в этот священный сан?

В истории церкви нет другого подобного примера, когда бы верховный предстоятель церкви сказал об этой самой церкви: "погибла!" Нечто подобное было в истории Англии в то же самое время. Король Карл I бежал из столицы, оставив ее и народ на произвол судьбы; он захватил с собою государственную печать, без которой, по закону, не может быть действительным ни один государственный акт, и бросил эту печать в реку Темзу, и через это самое на долгое время устранил возможность правильного течения государственной жизни. После он был схвачен и предан суду верховного парламента. Он был осужден как государственный изменник, как

восставший против верховной королевской власти, т.е. своей собственной, и за это был предан обезглавлению.

Читайте речи этих судей, — как во всем и во всех своих деталях они применимы и приложимы к патриарху Никону.

Да, верховный вождь церкви, сказавший об этой самой церкви: "Погибла!" — осудил самого себя именем своей верховной власти и именем церкви, которая поставила его своим вождем. Через это слово он сам отвернулся от церкви, изменил ей и положил основание церкви новой, иной, прежде не бывшей. Таков смысл психологического момента, толкнувшего Никона на путь реформ, и таков смысл его реформ.

ЦЕРКОВЬ В ПРЕНЕБРЕЖЕНИИ

В московской Грановитой палате необычайное, только веками случающееся, собрание, столь блестящее, священное и беспримерное, что подобного ему не было во всей тысячелетней русской истории ни раньше, ни после него. Прошло 240 лет, как было это собрание, но слова, этим собранием произнесенные, и деяния, им совершенные, до сих пор звучат и отзываются в сердцах миллионов русских людей, возбуждая в одних чувство страха, ни с чем не сравнимого ужаса, и полного мертвящего недоумения в других. Те звуки еще не замерли, и деяния, начатые тогда и признанные священными, еще продолжают, превращая русскую церковную жизнь в непрерывный раздор.

Под сенью московских золотоверхих храмов, свидетелей необычайно мирной и беспримерно деятельной прежней церковной жизни, открывается знаменитейший не только в русской истории, но и, пожалуй, в истории восточной вселенской церкви собор 1666-1667 годов. "Тишайший" царь открывает собор, которому волею Неисповедимого Промысла суждено было навлечь на русскую землю громы и молнии, колеблющие ее до самых сокровенных оснований в продолжение целых столетий, огласившие стоном и воплями, обагрившие реками человеческой крови, озарившие ее кострами из живых человеческих тел.

Царь в священном одеянии, с короною на голове, со скипетром и державою в руках, окруженный знатнейшими боярами и всем блестящим синклитом. Восточные патриархи, хотя и беспрестольные, во главе с именуемым "архиепископом великой Александрии, папою и судьей вселенной", собственные русские митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены и весь освященный собор, во главе с митрополитом великого Новгорода, местоблюстителем патриаршего престола.

Таков великий собор по своему составу. Каковы же его деяния не с внешней стороны, а с духовной, какова психология этих деяний, в чем и как он выразил свою, скажем так, совесть веры, преданность церкви, создавшей те храмы, под священною сенью которых он собрался, избравшей и благословившей быть своими представителями тех лиц, из которых он составился? С внешней стороны деяния собора изучены и широко известны документально с мельчайшими подробностями. Но общий смысл собора, его психология еще требуют своего историка, и в наше время, можно сказать, приближается возможность выяснения его именно с этих сторон. Теперь, в данное мгновение нашей жизни, этой возможности еще нет, она толь-

ко наступает, теперь только начинает выясняться общий смысл или колорит тогдашних реформ и вызванного ими раздора в русской церковной жизни.

С какой точки зрения ни смотреть – со стороны старообрядческого или господствующего исповедания – все равно необходимо признать, что все совершившееся совершилось по особому божественному промыслу, и не в целях окончания мира и разрушения на земле Церкви Христовой, а в целях наибольшего и наивысшего прославления Церкви, в целях возрастания на земле дела Христова и прославления Его имени в роде человеческого. Иначе пришлось бы признать, что Бог окончательно отступился от русской земли и народа и отвергнуть необыкновенно высокую мысль, о том, что Церковь никогда же стареет, но присно юнеет. Смотря с этой стороны, необходимо думать, что в самом бытии собора 1666-1667 годов, как бы он ни был ложен сам по себе, в самом допущении его Провидением была какая-то высшая цель, несомненно, благостная, ведущая Церковь и народ русский к особому прославлению, хотя и через болезни и страдания. Также необходимо думать, что небесцельно и последовавшее затем разделение русского народа, раскrojившее его на две половины, и одну из них – господствующую – ввергшее в дебри западной религиозной и философской мысли и подчинившее ее ужасной бюрократической власти, а другую – старообрядческую – рассеявшее на отдельные согласия, убеждения и подвергшее страданиям и гонениям. Смысл собора 1666-1667 годов окончательно перед нами выяснится только тогда, когда будут ясны все сейчас указанные стороны последующей церковной жизни русского народа. Но это дело будущего, быть может, весьма отдаленного, когда явится единая, неделимая, возвеличенная, духовно и нравственно очищенная Русь. Теперь возможно лишь приподнять один небольшой край той великой завесы, которая все это от нас скрывает.

Великий собор прежде всего побуждает сравнить его деяния с деяниями великих вселенских соборов. Через это раскрываются ужасные язвы в его каноническом или церковно-юридическом одеянии. Возьмем книгу деяний любого из вселенских соборов. Вот общая всем им картина трудов и занятий. Собор открылся. Начинается чтение предшествующих актов. Читаются акты, в которых выясняется происхождение с первого момента ереси, ее дальнейшее развитие, раскрытие и затем полное обнаружение в провозглашении формулированного, ясно и точно изложенного еретического учения. При этом требовалось, чтобы все эти акты были должным образом засвидетельствованы, не были бы не только сомнительными или фальшивыми, но и не имели бы ни одного выражения, внесенного в них по ошибке или по умыслу переписчика. Особенно тщательное внимание обращалось, чтобы это изложение было собственноручно написано или, по крайней мере, подписано тем еретиком, которого судят; нередко тут же свидетельствовались эти подписи несомненно знающими лицами. После этого собор требовал присутствия ересиарха и его главнейших последователей для выслушивания от них словесного исповедания веры, по правилу: если не выслушаем, не судим. По всестороннем выяснении формулы еретического учения собор приступал к выяснению точнейшего изложения соответствующего православного учения. Опять сначала читались проверенные, скрепленные и не подлежащие никакому сомнению акты: сочинения, послания отцов Церкви, не могущих прибыть на собор или скончавшихся. После этого начиналось словесное изложение веры каждым из присутствующих епископов: не общее, а лично каждым,

для выяснения того, как именно относительно данного вопроса учит его паства – церковь, и какие об этом учении он имеет предания. На основании всего этого исследования выработывалось затем точнейшее изложение православного учения. После этого собор приступал к сличению точнейшего изложения еретического учения с тончайшим же изложением учения православного. Из этого сличения определялась степень погрешности еретиков, и только после сего ересь предавалась окончательному осуждению. Снова требовалось личное присутствие на соборе вождей еретического направления для объявления им учения православного, для их увещания принять оное, отвергнув свое еретическое мудрование. Только после всего этого, иногда необыкновенно долгого разбирательства, и при упорстве еретиков, они предавались осуждению и отлучению от Церкви.

Такова общая основная обстановка разбирательства дел о еретиках на вселенских соборах. Конечно, были уклонения от сейчас указанного порядка, но несущественные, и только частичные, вызываемые особыми обстоятельствами.

Сообразно с указанным делопроизводством на вселенских соборах, мы вправе были бы ожидать такого же и на соборе 1666-1667 годов. В таком случае делопроизводство великого собора составилось бы из таких частей:

Точное определение, какие обряды, обычаи и богослужебные книги содержались русскою церковью до реформ Никона патриарха, документальное выяснение различий между прежним и нововведенным Никоном, рассмотрение исторического происхождения прежних особенностей и их богословско-догматического и церковно-канонического содержания. Таким образом было бы установлено, как русская церковь веровала и действовала до Никона, и что эта вера чиста и действия беспорочны, что и то и другое освящено великими отцами русской церкви. После этого на обязанности собора лежало выяснить степень необходимости подчиняться этому установленному и освященному быту, пусть он и не во всем согласен с бытом церкви греческой. При этом само собою оказалось бы, что верующие, весь народ-Церковь, должны твердо стоять за охранение святых преданий, которыми русская Церковь жила и процветала, что сами патриархи и епископы поставлены предстоятелями Церкви именно для того, чтобы свято соблюдали и сохраняли эти предания.

Установлением этого закончилась бы первая часть соборных деяний. Во вторую часть вошло бы исследование о степени необходимости вводить новшества. Пусть такой-то обряд или чтение молитвы находится в такой-то старой греческой или славянской книге. Но разве от этого он может быть ценнее другого, который находится тоже в старых книгах и освящен всегдашним и всеобдержным его употреблением. Например, молитва Исусова..."Боже наш, помилуй нас" имеется в старых рукописях. Можно ли отсюда вывести заключение, что ее-то и нужно предписать к исполнению, вместо другой, тоже находящейся в старых рукописях и вошедшей в обычное употребление? Такова единственно правильная точка зрения, с какою великий собор обязан был произвести исследование о реформах Никона патриарха. Много ли в таком случае осталось бы от всех этих реформ? Ничего.

В третью часть соборных деяний естественно вошло бы исследование о тех лицах, которые восстали против реформ. При этом прежде всего требовалось бы выяснить обязанность, лежащую на этих лицах, как и на всех других, защищать и сохранять установленный церковный быт, дающий народу крепость и единство, им

почитаемый и свято соблюдаемый. При такой постановке дела – и она единственно правильная, канонически необходимая – какие речи полились бы из уст протопопо Аввакума и его сподвижников, какую преданностью Церкви и русскому народу заблистали бы они, какую искренность и глубину веры обнаружили бы? Перед собором оказались бы не подсудимые, а истинные народные вожди в устройении дела церковного, вожди, великие духом, словом и мудростью.

Такой вид и смысл имел бы великий собор, если бы он стал на чисто каноническую почву, если бы в своем делопроизводстве держался форм исследования, употреблявшихся на вселенских соборах, ими освященных самым делом и юридически обоснованных. Мы пока не говорим о самом существе дела, о стойкости в церковных преданиях протопопо Аввакума и о реформаторском упорстве Никона, а говорим только о канонической форме, по которой великий собор обязан был вести свои деяния. Уже одна эта форма неизбежно вывернула бы весь собор, так сказать, наизнанку, дала бы ему иной смысл и характер. И эта форма единственно совершенно законная и обязательная, так что никакой другой и не может быть. Представим себе, завтра соберется другой великий собор для рассмотрения реформ, совершенных при патриархе Никоне. По какой форме он должен вести – и несомненно поведет – свое делопроизводство? Справьтесь у любого юриста и у любого канониста, – все в один голос скажут: по форме, употреблявшейся на вселенских соборах.

Что же на самом деле сделал великий собор? Какой формы держался он в своем делопроизводстве? Для ответа на этот вопрос достаточно вникнуть в смысл только двух первых деяний собора.

Деяние 1-е. Собор открылся и "испытывал" все новоисправления, совершенные при патриархе Никоне. Судя по одному деянию и по необыкновенной обширности поставленного вопроса, испытание это было более чем поверхностно, кратко, бездокументально. То, что требует целых месяцев, если не лет, упорной работы, массы документов, справок, свидетельств, археологических, исторических и филологических изысканий, собор выполнил в один день, быть может, в два-три часа; то, что может быть изложено только в сотнях протоколов, собор изложил на двух-трех страницах. Все дело ограничилось более чем немногим. Прочитали "исправленный" символ веры; весь собор его принимает. Признали, что греческие патриархи православны, согласились с постановлениями никоновского собора 1654 года, признали правильными книги греческие печатные и древнерукописные.

Деяние 2-е. Царь произносит длинную речь – жалобу на первых вождей старообрядческих, укоряет их, что они не принимают нововведений, стоят на "старом" и относительно новых порядков проповедуют, что "церковь – не церковь, тайны – не тайны". Затем читает книгу "Хризовул". При чтении находящегося здесь символа царь встал, а за ним и весь собор. После этого митрополит Питирим произносит царю ответную речь, весь смысл которой выражен в следующих кратких, дышащих огнем словах: "Все принимаем, к сим во веки ничесо же имамамы приложити, отъяти или изменить. На небрегущия же о сем и жезла нашего духовныя силы не усумнимся употребити с пособием крепкия твоея царския десницы, о еже всемиренно молим". По окончании этой речи царь целовал символ, написанный в "Хризовуле", за ним целовали и все прочие члены собора. Наконец, чудовскому архимандриту поручено было торжественным образом отнести эту книгу "Хризовул" в Успенский со-

бор и положить ее там в алтаре на престоле. Вот все, что было сделано великим собором на двух первых заседаниях, и этим определились все дальнейшие работы собора, все его отношения к защитникам старины, его беспощадность и жестокость.

Здесь нет ни исследований, ни доказательств. Весь смысл этих деяний легко вмещается в одном представлении, в одной фразе: все это мы принимаем и все это мы считаем святым и непогрешимым, а на ослушающих нас готовы простереть наш пастырский жезл, подкрепленный царскою десницею. Собор вовсе не задался вопросом о ценности и достоинствах прежнего, уже сломанного церковного быта. Если бы на соборе прочитали "прежний" символ веры и представлены были "прежние" книги, те самые, по которым были крещены и посвящены большинство присутствующих архиереев, – разве кто из них решился бы сказать: этого мы не принимаем, это мы отвергаем?

Собор прежде всего должен был иметь в виду русские церковные предания, факты русской церковной истории и сообразно с ними поступать в дальнейшем. Если бы в то самое время те самые русские епископы были позваны на вселенский собор, они обязаны были бы перед собором свидетельствовать о вере, искони существующей на русской земле, о чинах и преданиях, веками освященных, – иначе они явились бы, так сказать, голыми, без веры, без преданий, предстоятелями церкви без истории, без жизни. Вот именно такими русские епископы пришли на собор 1666-1667 годов.

Греки явились сюда со своими обычаями, преданиями, со своим "Хризовулом", а русские предстали без всего, голыми, как будто бы русская церковь до этих времен ничего не накопила, никакой мысли не выразила.

Пусть "Хризовул" был подписан восточными патриархами, но разве собственное русское предание, несомненно текущее из глубокой древности и освященное своими великими отцами, утратило эти свои достоинства и должно было рассыпаться прахом перед одною подписью патриархов, отступить перед исторически не засвидетельствованным "Хризовулом"? Но "Хризовул" был принят с удивительною покорностью, а свои вековые церковные предания были оставлены в забвении, в окончательном пренебрежении.

Ни один церковный собор не относился к своей церкви с такою невнимательностью, ни один епископ никогда не посягал на то, чтобы забыть, чем и как жила церковь, вождем которой он являлся. Все это собор 1666-1667 годов допустил и выполнил на самом деле, ни на одну секунду не осведомившись о предшествующей церковной жизни. Для него этой жизни как будто бы вовсе не существовало.

Стоило хотя бы только на одно мгновение собору обратить свои взоры назад, вспомнить о прошлом русской церковной жизни, и для него стали бы совершенно понятными слова обличения протопопа Аввакума: "Вы веру потеряли".

Да, великий собор первым актом своих деяний отвернулся от русской церкви, забыл о ней, оставил ее в пренебрежении, окончательно порвал связи с церковными преданиями.

ОБЩИЙ СМЫСЛ ИСТОРИИ

Заключение

Собор 1666-1667 годов окончательно вдвинул господствующую русскую церковь в русло обрядов и обычаев церкви греческой, современных ему. Вместе с этим по необходимости он окончательно отрекся от исторических преданий и вековых обычаев церкви русской. Русская историческая церковь в его глазах превратилась в церковь невежд.

Властно и жестоко разделавшись с представителями отринутой и опороченной церкви, разослав их по монастырям и подвергнув "гражданскому" казнению, собор не менее властно и жестоко бросил свое слово осуждения и на всю историю русской церкви. Лучшего, умнейшего и величайшего из русских архипастырей, митрополита Макария, собор не постеснялся заклеить позорным и оскорбительным именем "невежа". На Стоглавый собор он глянул слишком высокомерно и желал растоптать и уничтожить его, произнеся такой приговор: "Тую неправедную и безрассудную клятву Макариеву и того собора разрешаем и разрушаем и тот собор не в собор и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, яко же и не бысть".

Вся история русской церкви в глазах собора имела лишь одно определенное значение — "яко же и не бысть". Церковь получила свое бытие только как бы со дня открытия собора или, самое большее, с предшествовавших ему деяний патриарха Никона.

В указанном отрицании или зачернивании русской исторической церкви и заключается весь смысл и вся жизнь церкви господствующей. Этим отрицанием определяется вся ее дальнейшая история.

"Пусть будет греческое, лишь бы не было прежнего своего исторического русского" — таково руководственное начало церкви при патриархе Никоне при соборе 1666-1667 годов и в последующие десятилетия, до времен Петра, до возглавительства иерархов, получивших западноевропейское просвещение.

"Пусть будет латинско-католическое или немецко-протестантское, лишь бы не было народного русского" — таково начало церкви с петровских времен до наших дней. Против этого отрицания русских народных исторических начал восстал русский народ в лице старообрядцев. Старообрядчество в его общей исторической массе никаким образом нельзя определять как отщепенство от церкви господствующей, как только разлад или раздор с нею. Несмотря на все жизненные сплетения старообрядцев и лиц господствующего исповедания, несмотря на всю видимую борьбу старообрядческой Церкви с церковью господствующею, старообрядчество живет и развивается само по себе, без всяких отношений к господствующему исповеданию.

В течение веков до Никона патриарха русский народ накопил очень большие запасы церковных знаний и веропонимания. В своей народной толще он далеко не был таким невеждою, каким изображали его историки до последнего времени. Хотя отсутствовало образование официальное, зато широкими волнами разливалось по всему народу просвещение в самой жизни. Монастыри, приходы, почти бесчисленные по своему количеству, являлись истинными рассадниками истинно народного просвещения. Монастырские библиотеки, а нередко и приходские храмы в старину были более богаты книжными сокровищами и произведениями высокого церковно-

го искусства, чем в наше время, в расцвете книгопечатания. Процветала не одна обрядность, но и истинные религиозные знания. В духовных повестях чисто русского происхождения нередко даже в наше время можно любоваться и глубиной богословского и философского мышления. Московские богословы при своем, так сказать, доморощенном образовании, случалось, вели очень тонкие словопрения с представителями западной богословской науки, и не только не пасовали перед ними, но и побеждали их глубиной своего собственного разума. Отношения иерархии и мирян, чисто культурное значение Церкви нашим предкам были более глубоко известны, чем даже современным богословам.

Никоновские реформы имели то значение, что ими русский народ отстранялся от непосредственного участия в делах церковных, и накопленные в течение долгих веков религиозные знания откладывались куда-то в сторону. Наряду с этим главенствующее значение получала бесконтрольная воля и власть иерархии, и взамен народного веропонимания выдвигалось на первое место понимание иное, принесенное из чужих стран.

Эти народные знания не могли быть заглушены никакими новыми течениями, никакую власть они не могли быть исторгнуты из духа народного. Старообрядчество и есть история того, как русский народ проявляет свои веками скопленные религиозные знания, как эти знания, иногда совершенно неожиданно, выбиваются на Божий простор и распускаются в пышные и дивные творения.

История господствующей церкви, в сущности, представляется историей того, как заносились на русскую землю и прививались к ней инородные религиозные веяния сначала новогреческие, затем латино-католические и, наконец, протестантские. В сообразность этому история старообрядчества есть история развития собственно русской религиозной мысли, зарождавшейся в глубине веков, задавленной было при Никоне, но никогда не утратившей своих жизненных сил, растущей стихийно.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ОТ АВТОРА	1
ИССЛЕДОВАНИЯ О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ.....	1
ОТНОШЕНИЕ К СТАРООБРЯДЧЕСТВУ ДО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПЕРВОГО.....	3
ОТНОШЕНИЕ К СТАРООБРЯДЧЕСТВУ ПРИ НИКОЛАЕ ПЕРВОМ.....	7
ИСТОРИЯ СТАРОЙ КНИГИ	13
НАЧАЛА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.....	16
НАРОД И СТАРООБРЯДЧЕСТВО.....	21
СТАРООБРЯДЧЕСТВО КАК ОСНОВА ГОСПОДСТВУЮЩЕГО ИСПОВЕДАНИЯ.....	25
О НАЧАЛЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА.....	29
НАЧАЛО ПЕРЕЛОМА.....	32
ЦЕРКОВЬ В ПРЕНЕБРЕЖЕНИИ	36
ОБЩИЙ СМЫСЛ ИСТОРИИ.....	41